Как Наталья Николаевна съела поэта Пушкина и другие ужасные истории

Автор:
Валерий Роньшин

Как Наталья Николаевна съела поэта Пушкина и другие ужасные истории

Валерий Михайлович Роньшин

Большая страшная книга

Валерий Роньшин – известный современный детский писатель из Санкт-Петербурга, один из лучших, пишущих в жанре «детских страшилок».

В нашей большой книге много-много рассказов. Но юным читателям не надоест их читать, поскольку все они разные – совсем страшные и не очень, смешные, лирические и даже философские. И все отличаются своей непредсказуемостью и оригинальностью.

Автор, рассказывая свои страшные истории, настраивает детей на то, чтобы быть более осторожными и осмотрительными в окружающем мире, и учит отличать зло, как бы оно ни маскировалось под добро.

Для среднего школьного возраста.

Валерий Роньшин

Как Наталья Николаевна съела поэта Пушкина

и другие ужасные истории

Серия «Большая страшная книга»

© Роньшин В.М., 2020

© Ил. на обл., Рязанцева М.В., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Три поросенка-вампира

Девочка с косой

Сидел как-то мальчик Гоша дома и готовил уроки. Смотрит в учебник – а сам мечтает о том, как он будет в новую компьютерную игру играть, которую ему вчера на день рождения подарили. И так ему поиграть хочется – ну прямо сил нет!.. Вдруг в дверь позвонили: дзинь-дзинь-дзинь… Гошина мама пошла открывать, а потом заглянула к Гоше и говорит:

– Гошенька, к тебе какая-то девочка пришла.

«А-а, – думает Гоша, – это, наверное, Чижикова – узнать, что по русскому задано».

Но это была не Чижикова. В Гошину комнату вошла совсем не знакомая ему девочка с косой.

– Привет, Гоша, – говорит.

– Привет, – отвечает Гоша. – А ты кто?

– Я твоя Смерть, – говорит девочка. – Так что собирайся на тот свет. Твой час настал.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Гоша, думая, что это шутка. И тоже решил пошутить: – Смерть – она взрослая. А ты девчонка, малявка…

– К взрослым взрослая Смерть приходит, – спокойно отвечает девочка. – А к детям приходит детская Смерть. У Смерти, мальчик, много обличий.

Пригляделся Гоша к девочке и видит, что она и впрямь на Смерть похожа. Одета во все черное, лицо бледное, а взгляд – потусторонний…

Тут уж Гоше стало не до смеха. Понял он, что за ним действительно Смерть пришла.

– Как же так?.. – лепечет бедный Гоша. – Мне ж всего одиннадцать лет вчера исполнилось…

– Это неважно, – отвечает Смерть. – Главное – не сколько человек прожил, а сколько ему осталось. А твоя жизнь уже закончилась.

Гоша стоит, как потерянный, чуть не плачет. Оно и понятно, кому охота в одиннадцать лет на тот свет отправляться.

Девочка Смерть между тем продолжает:

– Но так как ты хорошо учился, был вежлив со старшими, не обижал младших, я…

– Отсрочку дашь?! – выпалил с надеждой Гоша.

– Не-е-т, – усмехнулась Смерть, – отсрочек я не даю. А вот последнюю твою просьбу выполнить могу. Ты ведь, наверное, хочешь напоследок с лучшим другом поговорить или с родителями?..

«Что с ними говорить?» – с тоской думает Гоша. С лучшим другом Петькой он и так наговорился в школе да и с родичами после школы разговаривал.

– Ну, – торопит Гошу Смерть, – какая твоя последняя просьба?

И Гоша сказал:

– Можно мне в компьютерную игру сыграть?

Смерть даже слегка удивилась.

– В компьютерную игру?

– Ага.

– Хорошо, играй, – разрешила Смерть.

Гоша тотчас врубил «компик», сунул в него новый диск и видит, что игра на двоих рассчитана.

– А давай вместе сыграем, – предлагает Гоша девочке Смерти. – Один против другого.

– Я же не умею, – отвечает Смерть.

– Чего здесь уметь-то? – Гоша показывает: – На эту клавишу жмешь – герои ходят, а на эту – герои стреляют.

– Ладно, – согласилась Смерть. – Сыграю с тобой разок.

И они начали играть.

Девочка Смерть оказалась азартным игроком. Так увлеклась – щеки разрумянились, глаза загорелись…

– Вот невезуха! – с досадой говорит Смерть, проиграв Гоше. – Давай еще раз!

Сыграли они по-новой, и опять Смерть проиграла.

– Еще! – прямо-таки требует она.

А у Гоши классная идея появилась. И он этак вкрадчиво напоминает:

– Не пора ли нам на тот свет отправляться?

– Успеется, – машет рукой Смерть. – Давай играть!

А хитрый Гоша – ей:

– Накинешь десять лет – тогда сыграю.

– Да накину, накину, – отвечает Смерть, вся в предвкушении игры.

Снова они сыграли. И снова Гоша выиграл.

Смерть вовсю разошлась.

– Давай еще! – кричит.

Гоша – в ответ:

– А еще десять лет накинешь?

– Накину!

И вновь они в компьютерную игру играют.

Короче, Гоша обыграл Смерть, как говорят футболисты, «всухую». Со счетом десять-ноль. Вот и посчитайте, мои маленькие читатели и читательницы, сколько Гоше теперь жить осталось, если он десять раз по десять лет выиграл. Правильно. Целых сто лет!

И знаете, что ему Смерть на прощанье сказала?

– Когда я к тебе, Гошка, через сто лет приду, ты меня точно не обыграешь.

– Это мы еще посмотрим, – ответил Гоша.

Кукла-убийца

Жила на свете девочка по имени Алина. И у нее была кукла по имени Катя. А также был папа по фамилии Тряпкин, который работал в полиции следователем. Кукла Катя умела тонким голоском говорить: «Ма-ма мы-ла ра-му». Но все равно она не нравилась Алине, потому что лицо у Кати было злое.

Поиграла-поиграла Алина с куклой немножко да и сунула ее под диван.

Прошло несколько дней.

И вот однажды ночью спит Алина и вдруг сквозь сон слышит, как кто-то подкрался к ее кроватке и говорит тоненьким голосом:

– А-ли-на, я те-бя у-бью.

Проснулась Алина утром. «Надо же, – думает, – какой странный сон мне приснился». И на всякий случай под диван заглянула: там ли ее Катя?

А куклы нет.

Исчезла неизвестно куда. Алина позавтракала и побежала в школу. Прибежала, села на свое место. Тут и звонок прозвенел.

Дверь открылась, и в класс вошел директор школы Михал Тарасыч, а с ним молодая женщина.

– Здравствуйте, дети, – говорит директор.

– Здра-а-сьте, – отвечают дети.

– Познакомьтесь, это наш новый преподаватель литературы, Екатерина Васильевна.

Смотрит Алина на новую учительницу – и глазам не верит. Ну вылитая кукла Катя. Только большая.

«Ох, – думает Алина, – не кончится это добром…»

И словно в воду глядела.

На другой день по расписанию первым должен был быть урок истории.

А тут снова Михал Тарасыч заходит.

– Здравствуйте, дети, – говорит.

– Здра-а-сьте, – отвечают дети.

– Так что истории у вас, детки, сегодня не будет, – говорит директор. – Лию Дмитриевну, историчку нашу, кто-то убил.

– Ура-а! – закричали дети, решив, что Михал Тарасыч шутит.

– Я не шучу, – говорит директор. – Кто не верит, может сходить в учительскую и поглядеть на труп.

Все дети сразу же испуганно затихли.

А рядом с директором опять стоит Екатерина Васильевна и криво так усмехается.

«Точно, она убила! – думает Алина. – Вот гадина!»

На следующий день по расписанию первым должен был быть урок математики. А тут снова Михал Тарасыч заходит. А с ним кукла Катя, вернее – Екатерина Васильевна.

– Здравствуйте, дети, – говорит директор школы.

– Здра-а-сьте, – отвечают дети.

– Так что, ребятки, математики у вас сегодня не будет, – говорит Михал Тарасыч. – Кто-то убил математичку, Сару Моисеевну.

– Ура-а! – радостно закричали дети, опять решив, что Михал Тарасыч шутит.

– Я не шучу, – говорит директор, – кто не верит, милости прошу в учительскую полюбоваться на труп.

Дети вновь испуганно притихли. А Екатерина Васильевна стоит рядом с директором и опять усмехается.

«Ну, Катька, – думает Алина. – Она так всех учителей поубивает».

И, действительно, буквально за неделю кукла Катя убила всех учителей, завуча, трех уборщиц, двух гардеробщиц и одну библиотекаршу.

В конце концов этим делом заинтересовалась полиция. И Алинин папа – следователь Тряпкин – пришел в школу для расследования загадочных убийств.

– Здравствуйте, детки, – сказал он, входя в класс.

– Здра-а-сьте, – отвечают дети.

– Детки, – говорит Тряпкин, – вы, наверное, обратили внимание, что у вас в школе каждый день кого-нибудь убивают.

– Обратили, – отвечают дети, – вот только сегодня почему-то никого не убили.

– Ошибаетесь, – говорит следователь Тряпкин, – сегодня убили вашего директора. Михал Тарасыча.

– Ура-а! – закричали дети, решив, что это шутка.

– Это не шутка, – говорит следователь. – Поэтому постарайтесь вспомнить, не замечали ли вы в последнее время чего-нибудь подозрительного. А я завтра еще к вам зайду.

Но назавтра следователь Тряпкин не пришел. А пришла все та же Екатерина Васильевна.

– К сожалению, – сказала она с усмешкой, – следователь Тряпкин сегодня не придет. Его убили.

На этот раз дети не стали кричать «Ура-а!». Сколько ж можно, в самом деле?

Сидят тихенькие, от страха трясутся.

А Екатерина Васильевна как ни в чем не бывало говорит:

– Начнем наш урок. Кто прочтет наизусть стихотворение Михаила Лермонтова «Бородино»?

– Я прочту! – решительно встала Алина со своего места. – Только вы, Екатерина Васильевна, сначала объясните, почему у вас руки в крови?!

– Ой! – ойкнула учительница, быстро убрав руки за спину. – А они и не в крови вовсе. Просто я вчера дома полы красила, вот краской и испачкалась.

– А мы сейчас это проверим! – воскликнула Алина и, чиркнув спичкой о коробок, кинула загоревшуюся спичку в куклу Катю…

Екатерина Васильевна вся вспыхнула как порох. Она же из огнеопасного материала была сделана.

В ту же секунду дверь распахнулась и в класс вбежали живехонькие учителя, завуч, три уборщицы, две гардеробщицы, одна библиотекарша, директор школы Михал Тарасыч и следователь Тряпкин.

Михал Тарасыч держал в руке новенький аттестат зрелости.

– Вот, Алина, – торжественно сказал он, протягивая девочке аттестат. – Считай, что школу ты закончила. С отличием!

– Как же так? – удивилась Алина. – Я же только в пятом классе. Мне же еще учиться и учиться.

– Не надо тебе учиться, – отвечает Михал Тарасыч. – Ты и так все знаешь.

А следователь Тряпкин добавил:

– Раз ты, дочурка, окончила школу, да еще с отличием, то иди к нам в полицию работать. Опасных преступников ловить.

И пошла Алина работать в полицию. Вскоре за хорошую работу ей присвоили звание: полковник. И теперь, когда Алина по утрам заходит на кухню и говорит: «Здравствуй, папочка», – следователь Тряпкин вскакивает со стула – ноги вместе, руки по швам – и четко отвечает:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

Синевласка,

или Бензоколонка

у старого кладбища

На окраине маленького городка, прямо у старого кладбища, находилась бензоколонка. На этой бензоколонке работала девушка. Звали ее Синевласка. Она была такая красивая, что стоило водителям, которые заправляли здесь свои машины, увидеть ее хотя бы один раз, они сразу же влюблялись в Синевласку и звали замуж.

Но Синевласка всем решительно отвечала:

– Нет!

И вот однажды заехал на бензоколонку молодой водитель по имени Василий. Он на хлебовозке работал, хлеб по магазинам развозил. Увидев Синевласку, Василий, конечно же, в нее влюбился. И с тех пор стал заезжать на заправку по три раза в день. Приедет, заправится, отъедет недалеко, продаст бензин и снова едет на бензоколонку заправляться. И все это Вася делал только для того, чтобы лишний раз полюбоваться на Синевласку.

Надо сказать, что и Синевласка не осталась к Василию равнодушной. Постоянно ему улыбалась и охотно поддерживала разговор… И, наконец, настал такой момент, когда Василий сделал Синевласке предложение:

– Выходи за меня замуж!..

Синевласка тут же перестала улыбаться и ответила печальным голосом:

– Не могу я, Васенька, выйти за тебя замуж. Хотя и не скрою: люб ты мне.

– Тогда почему не можешь? – удивился Вася.

– А потому, – говорит Синевласка, – что… мертвая я.

– Как – мертвая? – еще больше удивился Василий.

– Пойдем со мной, – отвечает Синевласка.

И, взяв Васю за руку, повела его на кладбище. В самый отдаленный уголок.

А там, у забора, могилка с надгробной плитой. А на плите – фотография. Поглядел Василий на эту фотографию – и худо ему сделалось. Потому что со снимка на него смотрела… Синевласка.

– Вот так, мой любимый, – говорит девушка, а сама чуть не плачет. – Днем я еще могу ходить как живая, а ночью обязана возвращаться в свою могилу и ложиться в гроб. Поэтому, как ты сам понимаешь, детей у нас быть не может. А какая семья без детишек?

На том они и расстались…

Приплелся Вася домой, не ест, не пьет, все по Синевласке горюет.

А надо сказать, что, хоть Василий и работал простым шофером, папа у него был профессор. Звали папу – Иван Иванович. Он преподавал в университете высшую математику. А в свободное время любил читать сказки.

И вот видит папа-профессор, что его сын все время в печали пребывает… Ну и стал, конечно, интересоваться: в чем дело?.. что случилось?..

Крепился-крепился Вася, да и рассказал. И как влюбился, и как жениться хотел, и как невеста мертвой оказалась.

– Тяжелый случай, – покачал головой папа-профессор. – Тяжелый, но не безнадежный…

Василий встрепенулся от радости.

– Неужели, – спрашивает, – можно что-то сделать?

Папа-профессор бороду свою окладистую разгладил и говорит:

– Есть у меня одна хитрая штукенция. Я ее недавно изобрел. «Оживитель» называется. Хочу свою бабулю оживить. Она такие интересные сказки мне в детстве рассказывала.

Стал Вася горячо упрашивать папу-профессора оживить вначале Синевласку, а уж потом бабулю. Ну, папа и согласился.

– Ладно, – говорит. – Где там твоя милая находится? Показывай.

Пришли они на кладбище. Раскопали могилу. Вытащили гроб. Открыли.

Видит Василий: лежит его любимая в гробу, как живая. А папа-профессор достал из сумки свой «Оживитель» и подсоединил к Синевласке.

ДА КАК ВРУБИТ ТОК!!!

Синевласка так из гроба и выскочила, словно кипятком ошпаренная.

– Как самочувствие? – спрашивает у нее папа-профессор.

– Отличное! – отвечает Синевласка.

– Чудеса-а, – изумляется Вася.

– Никаких чудес здесь нет, – поучительным тоном вещает папа-профессор. – Это обыкновенная наука. А тебе, Василий, надо не баранку крутить, а учиться, учиться и еще раз учиться.

– Здра-а-вствуйте, люди добрые, – вдруг раздался голос.

И все увидели старушку, которая шла по кладбищенской дорожке.

– Бабуля! – ахнул папа-профессор. – Ты-то откуда взялась?!

– Оттудова, Ванечка, оттудова, – показывает бабка рукой на землю.

– Неужели и на тебя в «Оживителе» энергии хватило?!

– А много ль мне надо, старухе-то?.. – отвечает бабуля и улыбается хитро: – Знаю, знаю, внучок, для чего ты меня с того свету вытащил. Небось, сказочки захотел послушать. Ты, я помню, до них бо-о-ольшой охотник был.

– Я и сейчас до них большой охотник, – застенчиво признался папа-профессор.

…И с тех пор забросил Иван Иваныч всю свою научную деятельность; сидят они теперь с бабкой на кухне, пьют чай с бубликами, и бабулька, знай, все новые сказки рассказывает. А папа-профессор слушает да щурится от удовольствия, что твой кот, объевшийся сметаны.

Зато Василий, увидев, какие чудеса способна творить наука, пошел учиться, учиться и еще раз учиться. Закончил с отличием Институт международных отношений и был направлен на дипломатическую работу в Африку. Синевласка поехала вместе с ним. И вскоре у них там родился ребеночек. Мальчик. Черный-пречерный. Потому что в Африке у всех дети черными родятся. Счастливые родители назвали его – Ванечкой, в честь папы-профессора.

Вот такие дела, мои маленькие читатели и читательницы.

Школа мертвецов

Жили-были две подружки. Анька и Танька. Больше всего на свете они любили смотреть «ужастики» про оживших мертвецов. И до того насмотрелись, что в один прекрасный день Танька и говорит:

– Анька, тебе не кажется, что наша училка по химии – оживший мертвец?

– Кажется, – отвечает Анька. – А как это проверить?

– Элементарно, – говорит Танька. – Надо ей кнопку на стул подложить. Если она живая, то подскочит. А если мертвая – не подскочит. Мертвецы же уколов не чувствуют.

– Точно! – говорит Анька. – Давай ей кнопку подложим.

И перед уроком химии подружки положили на стул учительницы кнопку. Прозвенел звонок.

Дверь в класс отворилась, но вошла почему-то не химичка, а физичка. И говорит:

– Сегодня у вас вместо химии будет физика.

И садится на стул с кнопкой. Танька с Анькой дыхание затаили. Ну, сейчас училка завопит!

А физичка – хоть бы что.

Анька Таньке шепчет:

– Я все поняла. Физичка – тоже оживший мертвец.

– Слушай, Анька, – осенило Таньку, – а что если все учителя нашей школы – это ожившие мертвецы?

– Давай проверим, – предложила Анька.

– Давай!

И подружки всем учителям стали подкладывать кнопки на стулья: математичке, русичке, географичке, ну и так далее. А учителю физкультуры даже две кнопки подложили, но не на стул, а в кроссовки. Одну кнопку – в одну кроссовку засунули, другую – в другую. Физрук весь урок пробегал по физзалу и ничего не почувствовал. И остальные учителя тоже ничего не почувствовали.

– Я фигею, – говорит Танька. – Прямо как в «ужастике» «Школа мертвецов» получается. Помнишь, там тоже все учителя живыми мертвецами оказались.

– Точно, – говорит Анька. – А после они еще и всех учеников в живых мертвецов превратили.

И тут Таньку с Анькой посетила страшная догадка.

– Анька, а что если и мы… – начала Танька.

– …ожившие мертвецы, – закончила Анька.

Девчонки, не сговариваясь, сели на кнопки и…

И ничего не почувствовали.

– Ой, мамочка, – в страхе шепчет Танька.

– Ой, папочка, – в страхе шепчет Анька.

Потом пригляделись – а кнопки-то бракованные. О них уколоться невозможно.

– Ну мы с тобой и дуры! – захихикала Танька.

– Точно, дуры, – захихикала и Анька.

С тех пор Танька с Анькой перестали смотреть «ужастики» про мертвецов, а начали смотреть фантастику про инопланетян. И вот в один прекрасный день Танька и говорит:

– Анька, тебе не кажется, что наша училка по химии – инопланетянка?

– Кажется, – отвечает Анька. – Давай проверим?!

– Давай!

Страшная фамилия

Один мальчик, с довольно редкой фамилией – Вампиров, любил по утрам пить томатный сок. А умываться, наоборот, не любил. Поэтому губы у него все время были в томатном соке.

И вот примерно с пятого класса начал Вампиров замечать, что учителя относятся к нему не так, как к другим ученикам. На других они и покрикивали, и двойки им ставили. А с Вампировым разговаривали очень вежливо и ставили одни пятерки, даже если он неправильно отвечал.

И одноклассники к Вампирову тоже относились уважительно. Что у них Вампиров ни попросит – сразу же дают, без разговоров. Он только руку протянет: «Дай-ка». А ему тут же: «Бери».

И даже директор школы смотрел на Вампирова как-то по-особенному. При встрече с Вампировым в школьном коридоре всегда первым здоровался, заискивающе улыбался и интересовался:

– Учителя к тебе не придираются?

– Да нет, – отвечал изумленный Вампиров.

– Если что, сразу же сообщай мне, – говорил директор. – Я их быстренько приструню.

Но вот прошел год… Перешел Вампиров в шестой класс. А тут его родители взяли да и поменяли фамилию Вампиров на фамилию Вампилов. Надоело им Вампировыми быть. Вампиров-младший к тому времени спортом занялся, бегал по утрам, а после пробежки пил томатный сок и принимал душ.

Так что губы у него больше не были соком испачканы.

И Вампиров, то есть уже Вампилов, начал замечать, что не всегда ему теперь учителя пятерки ставят, а бывает, что и тройку поставят, а то и двойку влепят. И одноклассники Вампилову тоже не все с готовностью дают. Да и директор школы первым здороваться перестал…

«Что за чертовщина?» – удивляется Вампилов.

Но долго удивляться ему не пришлось, потому что он с родителями переехал в другой район. И пошел в другую школу.

Пришел он первый раз в новый класс, а там шум с гамом стоит, и не только на переменках, но и на уроках. Оказывается, в этой школе шестой класс самый хулиганистый… Но вот прозвенел звонок на последний урок – и шестиклассников будто подменили. Все сидят смирненькие и со страхом на дверь смотрят.

– Чего это все замолчали? – спрашивает Вампилов у соседа по парте.

– Сейчас математика будет, – дрожащим голосом отвечает тот.

– Ну и что? – не понимает Вампилов.

– Ее Вурдалаков ведет.

В эту минуту дверь отворилась, и в класс вошел учитель Вурдалаков. Тишина наступила – прямо как на кладбище. Мертвая.

Смотрит Вампилов на учителя математики и видит, что у того губы кровью испачканы.

– Здравствуйте, – говорит Вурдалаков, улыбаясь кровавыми губами.

Все вскочили, как один.

– Здрасьте, Игорь Петрович!

– Садитесь, – говорит Вурдалаков.

Все, как один, сели.

– Выучили математику?

– Выучили, Игорь Петрович! – хором докладывает 6 «А».

И вправду, кого Вурдалаков ни спросит, у того ответ прямо от зубов отскакивает.

– И почему на вас другие учителя жалуются?.. – недоумевает математик. – Такой замечательный класс… – Тут он увидел Вампилова. – Ты новенький? – спрашивает.

– Да.

– А как твоя фамилия?

– Вампиров… ой, то есть Вампилов.

– Иди к доске.

Вышел Вампилов к доске, пригляделся к Вурдалакову и видит, что губы у того вовсе не в крови, а в томатном соке. Да и как ему было это не понять, если он сам столько лет по утрам томатный сок пьет.

Вампилов и говорит:

– Игорь Петрович, у вас губы…

Класс прямо дыхание затаил после этих слов. Сидят ни живы ни мертвы от страха.

– Что – губы? – спрашивает Вурдалаков.

– Томатным соком испачканы.

– Ой, извините, – смутился Вурдалаков и быстренько вытер губы носовым платком.

С тех пор учитель математики приходил в школу с чистыми губами.

Короче, с ним приключилось то же самое, что и с Вампировым-Вампиловым: Вурдалаков любил по утрам пить томатный сок, а умываться не любил. И представьте себе, мои маленькие читатели и читательницы, Вурдалакову НИ РАЗУ никто не сказал, что у него губы томатным соком испачканы. Потому что боялись. Думали – это не сок, а – кровь, и что Вурдалаков – вурдалак… Но все недоразумения разъяснились. И вскоре математик женился на учительнице пения и взял ее фамилию. Стал не Вурдалаковым, а – Солнышкиным.

Одно только было плохо – 6 «А» совсем от рук отбился. Никого не слушался. До тех пор, пока в школе не появился новый учитель физкультуры по фамилии Людоедов. У него были большие и острые зубы… Но об этом в другой раз.

Три поросенка-вампира

Жила-была девочка Маша. Исполнилось ей десять лет. По случаю своего дня рождения она позвала гостей. Было очень весело. В самый разгар веселья зазвенел дверной звонок – дзинь-дзинь-дзинь… Маша помчалась открывать, думая, что пришел еще один гость. Но это был не гость, а какой-то маленький толстенький человечек.

– Ты девочка Маша? – спросил толстяк.

– Да, – ответила Маша. – А вы кто?

– Я посыльный. Мне велено передать тебе торт.

И протянул Маше коробку с ее любимым тортом «Сюрприз». А потом быстро ушел.

Маше так не терпелось попробовать тортик, что она сразу же открыла коробку. И… обомлела. Нет, в коробке действительно лежал торт, но только в виде… кладбища. Крестики из шоколадной глазури, могильные холмики из кокосового крема. А посредине торта клюквенным кремом было написано: «Поздравляю с Днем Смерти». И подпись: «Ниф-Ниф».

Маша, конечно же, заплакала от страха. День рождения был безнадежно испорчен.

Пролетел год. Опять настал Машин день рождения. Снова она пригласила гостей. Все едят пирожные, пьют кока-колу, веселятся… И вдруг – дзинь-дзинь-дзинь… – звонок в дверь, как и в прошлый день рождения. Маша открыла. А на пороге вновь стоит маленький толстяк-посыльный и протягивает Маше красивый сверток, перевязанный золотистой ленточкой.

– Велено передать подарочек, – говорит.

Отдал Маше сверток и быстро ушел. Развернула Маша подарок – и у нее прямо ноги от страха подкосились. Потому что в свертке был… гроб. Точнее, кукольный гробик. А когда Маша его открыла, у нее прямо сердце в пятки ушло. Внутри гробика лежала кукла с Машиным лицом. В руке кукла держала записку, в которой было написано: «Будь счастлива, Машенька, но только в гробу». И подпись: «Нуф-Нуф».

Маша, конечно, в слезы. Праздник опять был безнадежно испорчен.

Еще год пролетел, и у Маши снова наступил день рождения. Но она не стала его отмечать, боясь, что вновь придет посыльный и все испортит. Посыльный действительно пришел, на сей раз с телеграммой.

– Тебе поздравительная телеграмма, Машенька, – говорит.

Отдал телеграмму и быстренько удалился.

Маша раскрыла телеграмму и прочла: «Смерть уже рядом. Наф-Наф». На сей раз Маша не заплакала, а задумалась – она ведь была уже взрослой девочкой, как-никак двенадцать лет исполнилось. Маша поняла, что ее хотят убить и что это последнее предупреждение. Почему последнее? Да потому что поросят в известной сказке всего трое: Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Но какое отношение сказка «Три поросенка» имеет к Маше – вот вопрос.

И Маша решила проследить за посыльным. Выскочила на улицу и тайком пошла следом за толстяком. И он привел ее… в свинарник. И видит потрясенная Маша:

маленький толстенький посыльный снял с себя парик, отклеил нос, уши, брови… потом сбросил всю одежду, встал на четвереньки и оказался… жирным поросенком.

К нему подбежал еще один жирный поросенок.

– Привет, Ниф-Ниф, – прохрюкал он.

– Привет, Нуф-Нуф, – прохрюкал в ответ «посыльный».

– Ну что, отдал девчонке телеграмму?

– Отдал.

– По-моему, пора ее уже съесть, – облизывается Ниф-Ниф.

– Точно, пора… – облизывается и Нуф-Нуф.

Слушает Маша разговор двух жирных поросят. И тут вдруг ее кто-то ка-а-к схватит!

Оглянулась Маша в ужасе – а это третий жирный поросенок.

– Ниф-Ниф, Нуф-Нуф! – захрюкал он. – Идите скорей сюда!

– Ну чего тебе, Наф-Наф?! – хрюкают те в ответ.

– Смотрите, кого я поймал!

Маша с силой оттолкнула Наф-Нафа – и бежать! А три поросенка припустили за ней в погоню.

– Лови! – визжит Ниф-Ниф.

– Держи! – визжит Нуф-Нуф.

– Хватай! – визжит Наф-Наф.

Прибежала Маша в самый конец свинарника и видит – дальше хода нет.

А три поросенка уже с трех сторон на нее надвигаются. Морды у них позеленели, глаза выпучились, а под «пятачками» острые клыки торчат. Словом, превратились поросята в вампиров.

– Ой, мамочка, – в испуге пискнула Маша и… проснулась.

В окошко солнышко светит, а Маша в кроватке лежит.

«Надо же, какой кошмар мне приснился, – подумала она. – Будто я человек, и свиньи-вампиры хотят высосать из меня кровь. Ну и бредятина».

С этими мыслями Маша вскочила с кроватки, напудрила перед зеркалом свой «пятачок», покрыла лаком свои копытца и, весело виляя хвостиком-«запятой», побежала в школу.

Новая мама

Жили-были мама, папа и девочка Маруся. И все у них шло прекрасно. Папа бегал по магазинам, обеды готовил, стирал, шил… В общем, хозяйством занимался. А мама в цирке выступала акробатом-эксцентриком: она складывалась в несколько раз и забиралась в малю-ю-сенький сундучок. Зрители ей за это аплодировали, а в кассе ей за это платили денежки.

Ну а девочка Маруся ходила в школу.

Так они и жили.

Но вот однажды – бац! – мама исчезла.

Неделю мамы нет… две недели… три… Маруся уж и волноваться начала.

– Да не волнуйся ты, дочка, – успокаивает ее папа. – Найдется мама.

А тут звонок в дверь: дзинь-дзинь.

И заходит в квартиру модно одетая женщина.

– Вот и мама пришла, – улыбается папа.

– Пап, ты что? – говорит Маруся. – Какая ж это мама?

А папа рукой машет.

– Ой, да не все ли тебе равно? Была одна мама, теперь другая. Все женщины одинаковы.

А незнакомка потрепала Марусю по щеке и сказала:

– Новая вещь, детка, завсегда лучше старой.

Потом к маминому шкафу подошла и створки раздвинула.

– Ух ты! – обрадовалась. – Одежки-то сколько! Да вся моднявая!

Звали новую маму Дарья Петровна. Работала она в пивном баре. Барменшей.

Ну что ж… стали опять они жить втроем. Маруся, папа и Дарья Петровна.

Да только с того дня снится Марусе каждую ночь один и тот же сон. Словно бы хоронят ее на кладбище. И она присутствует на собственных похоронах. Но ее никто не видит, кроме Дарьи Петровны.

А Дарья Петровна с нехорошей такой усмешечкой говорит:

– Вот ты, детка, и померла, наконец.

В одну из таких ночей проснулась Маруся и видит, что она не на кровати лежит, а – на пригорке. В лесу.

Да еще и связанная по рукам и ногам.

Еле-еле Маруся развязалась и побежала домой. Прибегает – а там свадьба! Папа на Дарье Петровне женится.

– Папа! Папа! – кричит Маруся. – Дарья Петровна меня связала и в лесу бросила!

А папа молчит и как-то странно на Марусю смотрит. И все гости тоже умолкли и тоже странно смотрят.

– Доча, – наконец говорит папа, – откуда ты взялась? Мы же тебя вчера похоронили.

– Как похоронили?! – опешила Маруся.

– Очень просто, – отвечают гости. – В гроб положили, на кладбище снесли и в землю зарыли. Потому что ты умерла.

– Да! Да! – выскочила из-за стола Дарья Петровна. – Умерла, умерла, детка! Так что нечего тута! У нас и справочка с печатью имеется о твоей смерти!..

И машет у Маруси перед носом справочкой с печатью.

– Но папа, – чуть не плачет Маруся, – вот же я, живая! Неужели ты мне не веришь?..

– Уф-ф, – папа пот со лба вытирает. – Ну я-то, положим, дочурка, тебе верю. Но это ж ничего не значит, раз справка с печатью имеется.

– Да что ты с ней разговариваешь?! – орет Дарья Петровна. – Не видишь что ли, что она самозванка! Гони ее в шею!

– Вот именно, в шею! – подхватили гости. – Умерла так умерла!

Папа обнял Марусю за плечи и шепчет ей на ухо:

– Доча, ты бы, и правда, ушла отсюда. Погулять. А я тебе денежку дам. На мороженое. А, дочурка?.. – и протягивает Марусе какие-то копейки.

– На эти деньги, папа, даже половинку мороженого не купишь, – со вздохом отвечает Маруся.

– А ты купи четвертинку. А то у меня больше нет. Дарья Петровна все деньги забрала.

А Дарья Петровна разговор их подслушивает.

– Обойдется без мороженого, – шипит злобно. – Ишь, наглая какая. Половину мороженого ей подавай. Сразу видать, что самозванка. Та-то девка поскромнее себя вела.

Заплакала Маруся и побрела куда глаза глядят.

Брела, брела и забрела в самый дальний угол двора. На помойку. Смотрит: а на помойке сундучок валяется, с каким мама в цирке выступала. Открыла Маруся этот сундучок…

А там – мама! – сложенная в несколько раз!.. Да не мертвая, а – живая!

Нет слов, как Маруся обрадовалась. А уж как мама обрадовалась, тем более слов нет.

– Мама! Мама! – прыгает Маруся от радости. – Как ты здесь оказалась?!

– Как, как, – отвечает мама, а сама разгибается, сгибается, плечами шевелит, тело свое затекшее разминает. – Папаша твой с Дарьей Петровной обманом засунули. Пристали ко мне: покажи да покажи, как ты в такой маленький сундучок забираешься. Ну я сдуру и показала. А они сундучок на крючок и на помойку…

– Ни фига ж себе, – ахнула Маруся.

Короче, пошли они в полицию и рассказали все, как есть.

– Ни фига ж себе, – ахнула полиция.

И тут же арестовала папу и Дарью Петровну. И отправила их в Сибирь – лес валить и комаров кормить – папу на десять лет, а Дарью Петровну на двадцать; потому что женщины дольше живут.

Ну а мама вскоре привела Марусе нового папу. Дядю Юру. Он художником работал. Деньги рисовал.

И стали они с тех пор жить богато и весело.

Классный прикол

Подошла восьмилетняя Машенька к зеркальному шкафу и стала глядеть на свое отражение.

– Че уставилась, дура?! – говорит ей вдруг отражение.

Машенька ушам не поверила.

– Ой, – ойкнула она, – а кто это сказал?

– Кто, кто – конь в пальто! – отвечает голос из зеркала.

Тут Машенька все поняла. Она отодвинула зеркальную дверцу и увидела своего старшего брата. Двенадцатилетнего Вадика.

– Классно я тебя, Маха, приколол! – хохочет он.

– Я тебя, Вадька, тоже когда-нибудь классно приколю, – пообещала Машенька.

– Ха-ха-ха, – пуще прежнего заливается Вадик. – Видали мы таких прикольщиц.

Ничего Машенька на это не ответила.

И вот спустя несколько дней уже Вадик подошел к зеркалу и начал корчить рожи. Покорчил всласть, а напоследок показал сам себе язык. И вдруг видит, что язык у него не розовый, как обычно, а – зеленый! Вадик от испуга целый день рта не раскрывал. И вечером лег спать в надежде, что за ночь язык снова розовым станет.

Но не тут-то было.

Утром посмотрел на себя Вадик в зеркало и ахнул. Мало того, что язык зеленым остался, еще и нос в хоботок превратился. От такого сюрприза у Вадика глаза на лоб полезли, да так на лбу и остались. Вадик сильно-сильно затряс головой, думая, что все это ему только кажется. А от тряски уши у Вадика – р-раз! – и отвалились. И на их месте появились два длиннющих усика.

Вадик хотел было закричать от страха – а голоса нет, лишь слабое стрекотание раздается: стрик… стрик… стрик… Вадик в отчаянии замахал руками, а это уже вовсе не руки, а – тонкие лапки. И ноги тоже лапками стали.

Смотрит Вадик с ужасом на свое отражение и видит, что у него за спиной крылышки появляются. Разноцветные… И вот уже не Вадик перед зеркалом стоит, а порхает по комнате бабочка.

Комната в один миг большой-пребольшой сделалась, а Вадик, наоборот, маленьким-премаленьким, какими обычно бабочки и бывают.

В это время дверь отворилась и в комнату вошла Машенька-великанша с огромным сачком в руках. Поймала она Вадика-бабочку и поместила в свою коллекцию бабочек, приколов там за крылышки.

– Ну, что, Вадька, – говорит Машенька, глядя на брата сверху вниз, – классно я тебя приколола?!

И действительно – классно приколола. Вадик ни правым крылышком шевельнуть не может, ни левым, а только лишь лапками сучит, усиками шевелит да стрекочет жалобно: стрик… стрик… стрик…

Баня № 666

Жила-была в доме № 14 девочка Таня. Она очень любила смотреть по телевизору передачки про всякую мистику и чертовщину. И до того насмотрелась, что ей стало казаться, что кругом одни ведьмы да колдуны. Выйдет, к примеру, Таня во двор, а во дворе дворничиха метлой мусор метет. Таня сразу думает: «Ага-а, дворничиха-то ведьма и по ночам на своей метле на ведьминский шабаш летает». Или еще, к примеру, спускается Таня на лифте со своим соседом дядей Гришей, а лифт возьми да и остановись сам собой между этажами. «Ага-а, – опять думает Таня, – дядя Гриша-то колдун. Из-за него лифт остановился».

А напротив Таниного дома № 14 располагался дом № 13, в котором, в свою очередь, располагалась баня № 666. «Ага-а, – как всегда думает Таня, – неспроста это. Ведь тринадцать и шестьсот шестьдесят шесть – дьявольские числа». И решила Таня понаблюдать за баней. В бинокль. Из своего окна. День наблюдала… два наблюдала… Но ничего подозрительного не увидела. Баня как баня. Посетители в дверь заходят, белый дым из трубы выходит… Но вот однажды лежит Таня ночью на кровати. Не спится ей. Все про баню № 666 думает. Что-то все-таки там не так, хотя с виду, вроде бы, все и так.

Встала Таня с кровати, взяла бинокль, подошла к окну и видит, что из трубы валит клубами дым. Но не белый, как днем, а – черный. «Ага-а, – думает Таня, – в бане по ночам ведьмы и колдуны черной магией занимаются, поэтому и черный дым из трубы идет». Но как это узнать наверняка?.. И решила Таня сходить в баню…

Сходила.

Баня и внутри была – баня как баня – горячая вода, холодная вода, парилки, душевые кабинки… Ничего подозрительного. Вот только… у кассирши, которая Тане билет в баню продала, на правой руке не пять пальцев оказалось, а шесть. Таня в первый раз даже глазам своим не поверила, поэтому пошла в баню во

второй раз.

Пришла.

И точно – шесть пальцев на руке у кассирши. «Ага-а…» – тотчас подумала Таня, а вслух спросила:

– А вы до скольки работаете?

– Круглые сутки мы работаем, девочка, – ответила шестипалая кассирша.

– Что, и ночью тоже? – уточнила Таня.

– Да, и ночью, – подтвердила кассирша.

И Таня решила сходить в баню ночью, чтобы уж окончательно убедиться, что никакая это не баня, а – колдовское логово. И пошла…

Отдала кассирше деньги за билет. А та ей и говорит:

– Тебе, девочка, еще мыло с мочалкой надо купить.

– Зачем? У меня свои есть, – отвечает Таня.

– По ночам в нашей бане положено намыливаться только нашим мылом и мыться только нашей мочалкой, – объясняет кассирша. – Вон инструкцию почитай… – и тычет шестым пальцем в листок, висящий на стене. А на листке написано:

«С 00 час. 00 мин. до 05 час. 00 мин. в бане № 666 разрешается мыться мылом и мочалкой, приобретенными только в бане № 666».

Таня купила мыло с мочалкой и прошла в душевую. Решив, что из душевой ей будет удобнее наблюдать за тем, что в бане по ночам происходит.

Но пока что в бане ничего не происходило. Стояла мертвая тишина. Кроме Тани, посетителей больше не было. Таня подождала часок-другой. Но так ничего и не

дождалась.

Тогда Таня решила помыться – ну, чтобы кассирша ничего не заподозрила. Она разделась, включила воду, намылила себя купленным мылом с головы до ног и стала тереть себя купленной мочалочкой… И вот когда Таня, встав под теплые струи воды, начала смывать с себя мыльную пену, она с ужасом увидела, что вместе с пеной смывается и все ее тело. Прямо на глазах смылись ноги, потом руки, затем голова… Таня ахнуть не успела, как от нее остались одни глаза. И то лишь только потому, что она их не намылила. Таня хотела закричать от страха, да было уже нечем, рот-то ведь тоже смылся.

В общем, одни только Танины глаза висели в воздухе, растерянно моргая.

Так Таня и не узнала, что за мистические дела творятся по ночам в бане № 666. И не узнает теперь ни-ко-гда.

Фантик от конфеты

Жила на свете Оленька. Очень хорошая девушка. Она любила есть шоколадные конфеты. Но ела их редко, потому что конфеты стоили дорого, а у Оленьки не было денег.

И вот как-то раз идет Оленька по улице. Шоколадных конфет ей хочется – прямо сил нет. И вдруг видит: фантик в урне валяется. И как раз от шоколадной конфетки. «Дай, – думает Оленька, – я его оближу».

Вытащила она фантик из урны и облизала.

И в ту же секунду превратилась в самую настоящую ведьму!

Нет, с виду Оленька осталась прежней Оленькой. А внутри – форменная ведьма… И замашки у нее стали, как у ведьмы. Смотрит – папа ее с работы возвращается. Тотчас ударилась она оземь и обернулась серой волчицей.

Папа, как увидел волчицу, что несется на него, клацая зубами, так и припустил во весь дух. Прибежал домой, весь от страха трясется. А Оленька уже здесь. Вместе с мамой латиноамериканский сериал смотрит по телевизору.

– Волки! – орет папа. – Волки!

– Ты что папочка, заболел? – ласково спрашивает у него Оленька. – Какие волки в центре города?

Короче, уложили папу спать. Спал он плохо. Всю ночь метался по кровати и бредил. А утром проснулся и запел с придурочной улыбочкой:

– Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк…

Приехала скорая и забрала папу в психушку.

Осталась Оленька вдвоем с мамой. А та вдруг такой разговорчивой сделалась. Говорит и говорит без умолку… Оленьке прямо убить ее хочется, чтоб перестала, наконец, болтать.

А тут и ночь. Легли они спать. Мама сразу захрапела, а Оленька тихонечко подкралась к маминой кровати и начала колдовать.

Поколдовала, поколдовала… У мамы – р-раз! – голова и отвалилась. Взяла Оленька мамину голову и в шкаф спрятала.

Наутро мама просыпается – а головы нет.

Приехала «скорая» и увезла маму в реанимацию.

Так что осталась Оленька в одночасье без мамы и без папы. Но с женихом по имени Саша. Он как раз в это время к ней в гости пришел.

– Здравствуй, Оленька, – говорит Саша.

– Здравствуй, Саша, – отвечает Оленька.

– А где твой папа? – интересуется Саша.

– В сумасшедшем доме, – отвечает Оленька.

– А почему он там? – интересуется Саша.

– Потому что с ума сошел, – отвечает Оленька.

– А где твоя мама? – продолжает интересоваться Саша.

– Что это ты такой любопытный? – насторожилась Оленька. – Вынюхиваешь все, как собака.

– Оленька? – ахнул Саша. – Ну у тебя и выражения!

– Ладно, переморгаем, – отвечает Оленька. – Пошли чай пить.

И они пошли на кухню пить чай.

Оленька и тут принялась колдовать. Только Саша хотел сделать глоток из чашки – глядь! – а там муха дохлая плавает. Саша, конечно, не стал пить.

А Оленька злорадно спрашивает:

– Чего это ты, милый, чай не пьешь?

Саша покраснел и пробормотал:

– У меня в чашке дохлая муха плавает.

Оленька как захохочет.

– Сам ты, – говорит, – дохлая муха!

И Саша тотчас превратился в муху. Правда, не в дохлую.

Жжжжжжж… залетал он по кухне.

Оленька, недолго думая, схватила мухобойку и начала гоняться за женихом. Загнала его между холодильником и посудным шкафом да ка-а-к хлопнет мухобойкой!

Жених Саша так и остался на стене прихлопнутый.

А Оленька села чай допивать.

Смотрит – а на столе коробка с шоколадными конфетами лежит. Это Саша к чаю принес, а предложить не успел.

Ну, тут уж Оленька отвела душу. Слопала все конфеты и вновь стала прежней Оленькой. Доброй и отзывчивой.

Вспомнила она все, что натворила, будучи ведьмой, и горько заплакала.

Но сделанного не исправишь. Папа – в реанимации; мама – в реанимации; жених Саша – по стенке размазан… «Сон козас де ла вида» – как говорят латиноамериканцы в своих сериалах. Такова жизнь.

Ученый Питер

и его мертвая невеста Луиза

Давным-давно жил на свете великий ученый Питер. Он был такой умный, что, когда брал в руки лампочку – она тут же ярко загоралась. А еще у него была невеста – прекрасная девушка по имени Луиза. Питер и Луиза очень любили друг друга. Все лето они гуляли по лесам и полям. Питер собирал яркие цветы и украшал ими голову любимой. Наступила осень, и они уже собирались пожениться, но как раз в этот момент Питера пригласили на международный симпозиум. И он уехал.

Однажды Луиза вышла на улицу, промочила ноги и простудилась. Это случилось в понедельник, а во вторник она умерла. А в среду ее похоронили. Вот так все в жизни и бывает, мои маленькие читатели и читательницы, сегодня вы есть – а завтра вас нет.

Когда Питер вернулся с симпозиума, на вокзале его встретил хозяин городского кладбища господин Шульц.

– Вот что я тебе хочу сказать, Питер, – сказал он. – Смерть – гостья каждого. Она не спросит – придет да скосит. Поэтому мертвых на земле всегда больше, чем живых.

Услышав эти слова, Питер сразу понял, что Луиза умерла. Он бросился на кладбище, отыскал там могилу своей любимой и разрыдался как ребенок. Он рыдал до тех пор, пока не выплакал все слезы. А потом пошел к хозяину кладбища.

– Господин Шульц, – принялся умолять его несчастный Питер, – позвольте мне хоть одним глазком взглянуть на Луизу.

Хозяин кладбища отложил в сторону арбузный ломоть – на завтрак у него был арбуз – и сказал:

– Вот что я тебе скажу, Питер: жизнь – это бесконечная череда дней, а смерть – это бесконечный сон без пробуждения. Поэтому бери лопату и следуй за мной.

Взяли они по лопате и пошли на кладбище. И выкопали там черный гроб… Луиза лежала в гробу в белом платье и была еще прекрасней, чем при жизни.

Бедный Питер опустился на колени и принялся осыпать лицо любимой поцелуями. Он что есть силы прижался своим огромным лбом ученого к холодному, как мрамор, лобику Луизы и… О, ЧУДО… ресницы девушки затрепетали. И она открыла глаза.

Радости Питера не было предела. А господин Шульц сказал:

– Вот что я тебе еще хочу сказать, Питер: когда судьба дает – она дает сразу все. Поэтому я пошел обедать.

И он пошел доедать арбуз, который не доел за завтраком.

А вновь обретшие друг друга влюбленные отправились гулять в городской парк. Они катались там на каруселях, бродили по желтой листве, а ближе к вечеру сидели на берегу осенней реки и говорили, говорили, говорили…

Но жизнь так устроена, что после радости всегда приходит печаль.

Не прошло и недели, как Луиза поднялась из гроба, и вот она уже впала в какое-то оцепенение. Целыми днями Луиза лежала на кровати и смотрела в потолок. А однажды ночью Питеру приснился кошмарный сон: будто он заживо погребен в ледяной пещере. Когда Питер проснулся, рядом с ним лежала холодная как лед Луиза.

Девушка взяла ледяными пальцами теплую руку возлюбленного и сказала:

– Ты вдохнул в меня свою творческую энергию, Питер. Но мертвый никогда не станет живым. Я – мертвец, любимый мой. И как только твоя энергия иссякнет, меня придется опять закопать в могилу.

– Нет! Нет! Любимая!.. – вскричал Питер. – Этого не случится! У меня много творческой энергии, и я буду отдавать ее тебе снова, снова и снова!..

И он отдавал свою энергию снова, снова и снова… И Луиза, в знак благодарности, целовала его мертвыми, но алыми губами.

Однако запасы творческой энергии даже у таких гениальных ученых, как Питер, далеко не безграничны. Поэтому с каждым днем он худел и бледнел все больше и больше. А в голове у него теперь вместо смелых и оригинальных идей тяжело ворочались куски размокшей серой ваты.

Как-то раз к Питеру заглянул господин Шульц. И, посмотрев на него, сказал:

– Вот что я тебе скажу, Питер: кто слишком много думает о других – тот забывает о себе. Луиза замечательная девушка, но она мертвая и ее место на кладбище. Ты же – великий ученый! И должен – должен! – направлять свою творческую энергию на благо живых.

– Нет, – тихо, но твердо ответил Питер. – Истинная любовь всегда шествует рука об руку со смертью. И когда двое по-настоящему любят друг друга, один всегда платит за другого. Жизнью…

– Ну что ж, – сказал господин Шульц, – тогда я пойду рыть вторую могилу.

Питер грустно улыбнулся.

– Не надо, господин Шульц. Нам с Луизой вполне хватит одной.

А вскоре над землей закружили метели. Стало холодно и как-то неуютно жить. Питер заботливо укутывал замерзающую Луизу платками, шалями и пледами.

– Закутайся потеплее, любимая, – ласково говорил он, – смертью веет…

И как в воду глядел. В своем черном автомобиле к дому подъехала Смерть. Она усадила Питера и Луизу на черные атласные сиденья и повезла туда, где рано или поздно окажется каждый из нас. То есть на кладбище.

– Открывайте ворота, господин Шульц, – приказала Смерть. – Я привезла вам двух влюбленных: Питера и Луизу.

– Эх, мадам, мадам, – сказал господин Шульц, – если б вы только знали, какой гениальный ученый был Питер. Как много он мог совершить великих открытий.

– Я гостья каждого, – усмехнулась Смерть. – И будь это гений или самый горький пьяница, мне абсолютно все равно. Я не выбираю – я беру всех.

Колеса черного автомобиля зашуршали по булыжной мостовой, поднимая в воздух снежную пыль.

А потом…

Потом пришла весна. И снова запели в лесу птицы, заквакали на болотах лягушки, зажужжали над цветами пчелы… На могиле влюбленных зазеленела травка. Господин Шульц установил в изголовье Питера и Луизы надгробный камень, собственноручно выбив на нем вот такую надпись:

«Здесь покоятся великий ученый Питер и его прекрасная возлюбленная Луиза. Они очень любили друг друга и умерли в один день».

Возвратясь с кладбища домой, господин Шульц собрал в дорожную сумку самое необходимое и, переступив порог, навсегда исчез в этом огромном мире.

Желтый платок

Давным-давно в городе Лондоне жил некий юноша по имени Джонни. И очень ему в жизни не везло. Он перепробовал массу всяческих занятий, но ни одно из них не принесло ему успеха. Джонни был близок к отчаянию и даже согласился работать помощником гробовщика. Но, как известно, человеку не может быть все время плохо. Нет-нет, да и улыбнется ему счастье. Вот и Джонни оно улыбнулось. Полюбил он прекрасную девушку Дженни. А прекрасная девушка Дженни полюбила его.

К тому же родители Дженни обладали достаточно большим состоянием, что, согласитесь, являлось неплохим дополнением к любви молодых людей.

И вот однажды Дженни решила навестить своих родителей, которые жили на севере Англии. Это была первая разлука влюбленных. И естественно, Джонни захотелось сделать своей любимой подарок. Но денег у него, как всегда, не было… Опустим здесь мучительные переживания Джонни, готового положить к ногам возлюбленной целый мир и в то же время бывшего не в состоянии купить ей даже пару сережек. Перейдем сразу к тому, с чего, собственно говоря, и начинается наша история.

Как уже было сказано, Джонни работал помощником гробовщика. И его позвали в один богатый дом, где при таинственных обстоятельствах умерла некая молодая женщина. Джонни оставили наедине с покойницей, чтобы он снял с нее мерки для изготовления гроба. Женщина лежала в белом платье и с желтым шелковым платком на шее.

Вот этот-то, судя по всему, очень дорогой платок и привлек внимание юноши. Не особенно задумываясь о моральной стороне своего поступка, Джонни снял платок с умершей и положил к себе в карман. Затем, исполнив работу, он поспешно покинул дом.

Далее все сложилось, с точки зрения Джонни, как нельзя лучше. Пропажи никто не заметил, молодую женщину похоронили, а Джонни подарил Дженни желтый платок, который она тут же повязала себе на шею.

На следующий день Дженни уехала к родителям. А Джонни, проводив ее на вокзал, вернулся домой и лег спать.

И снится ему сон…

Словно бы пришла к нему с кладбища мертвая женщина в белом платье и говорит печальным голосом:

– Ах, Джонни, Джонни, ну зачем же ты снял у меня с шеи желтый платок? Еще б немного, и его похоронили бы вместе со мной. А теперь он снова начнет приносить людям несчастье.

Сказав это, призрак исчез. Джонни проснулся и, томимый неясной тревогой, поспешил вслед за своей возлюбленной. Когда он приехал в город, где жили родители невесты, то первой, кого он там увидел, была заплаканная мать Дженни. Захлебываясь от рыданий, она сообщила Джонни печальное известие: Дженни внезапно умерла…

Опустим описание душераздирающих мук, охвативших юношу при известии о скоропостижной кончине любимой. И сразу перейдем к тому моменту, когда Джонни уже несколько успокоился и вспомнил о том, что послужило причиной его приезда.

Со слов окружающих он узнал, что Дженни ни на минуту не расставалась с его подарком. Однако же после ее смерти желтый платок бесследно исчез.

Джонни начал осторожное расследование и вскоре выяснил, что юная служанка, обряжавшая Дженни для похорон, вот уже два дня как не появляется. Джонни отправился на поиски исчезнувшей девушки. Подойдя к дому служанки, он услышал громкие рыдания.

– Что здесь случилось? – спросил Джонни у старика, сидящего у ворот.

– Случилась смерть, – печально ответил старик. – Позавчера ночью кто-то задушил мою внучку.

– Желтым платком?! – вскричал Джонни.

Старик кивнул.

– А где этот платок? – с волнением спросил юноша.

– Сыщик из Лондона забрал его как вещественное доказательство, – ответил старик.

Джонни ничего другого не оставалось, как поспешить в Лондон с тем, чтобы предупредить сыщика о зловещих свойствах желтого платка. В поезде, чтобы как-то отвлечься от мрачных мыслей, юноша купил газету. Раскрыв ее, он сразу же увидел короткое сообщение, обведенное траурной рамкой: «Таинственная смерть одного из лучших сыщиков Скотланд-Ярда». Джонни пробежал заметку глазами. В ней говорилось, что сыщик был задушен у себя дома каким-то мягким предметом, предположительно платком. Однако – сообщалось далее – никакого платка на месте преступления обнаружено не было.

Бросив газету, Джонни впал в глубокую меланхолию. Эта меланхолия не оставила его и по приезде в Лондон. Он ушел с работы и целыми днями лежал дома на кровати, глядя в потолок.

Лето прошло. Наступила осень.

Скромные сбережения молодого человека таяли, как мартовский снег. Наконец у него осталась только сумма, на которую можно было купить железнодорожный билет. Что Джонни и сделал. Он купил билет и поехал в небольшой городок на берегу моря, где жила его единственная родственница – тетушка Матильда.

Тетушка жила в крохотном домике, тихо и уединенно, вместе со своей семилетней воспитанницей Мери.

Но и на берегу моря черная тоска не отпустила Джонни. Целыми днями он просиживал у окна, созерцая бескрайние морские просторы.

Первое время добрая старушка не докучала племяннику расспросами. Но затем она все же выведала у Джонни его такую нехитрую, но такую печальную историю. И в свою очередь призналась чистосердечно, что в юности баловалась белой магией. Порывшись в чердачном хламе, тетушка извлекла оттуда старинную книгу и, спустившись в гостиную, принялась перелистывать пожелтевшие от времени страницы.

– Так, так, – бормотала она под нос. – Философский камень – не то… эликсир молодости – тоже не то… Ага, вот, что нам надо! – воскликнула она и стала громко читать.

Джонни же весь обратился в слух.

«Желтый платок, – читала тетушка Матильда, – принадлежал князю Тьмы. Все, к кому этот платок попадает, в скором времени умирают. Уничтожить магическую силу желтого платка можно лишь огнем. Для этого надо сжечь платок во «время дьявола», то есть от полуночи до трех часов. Тогда все люди, погубленные желтым платком, тотчас воскреснут и не будут помнить, что умирали. А люди, хоронившие их, не будут помнить, что хоронили…»

Как только старушка закончила чтение, дверь отворилась и в гостиную вбежала маленькая Мери. Она начала прыгать через скакалку, напевая при этом:

Эни-бени-рики-таки.

Тай-бары-барыки-смаки.

Эн-бен-турумбен.

Вакс-с-с…

Джонни взглянул на девочку – и у него от волнения перехватило дыхание. На шее у Мери был повязан… желтый платок! Тетушка тоже заметила дьявольскую вещицу и, сделав племяннику незаметный знак, приступила к расспросам:

– Где ты гуляла, крошка? – ласково спросила она у своей воспитанницы.

– Я гуляла на кладбище, мэм, – ответила та.

– А откуда у тебя такой красивый платочек? – продолжала интересоваться тетушка.

– Он лежал на одной из могил, мэм. Платочек мне понравился, и я взяла его себе. Я ведь не совершила ничего дурного, мэм?

– Нет, милая, – успокоила ее старушка. – Ступай, играй дальше.

Итак, стало ясно, что своей очередной жертвой желтый платок выбрал маленькую Мери.

Когда девочка ушла, Джонни и тетушка Матильда разработали план действий. А около полуночи приступили к его осуществлению. Джонни проник в спальню маленькой Мери и спрятался за шторы. Мери мирно посапывала в кроватке. Желтый платок висел на спинке стула. Часы начали отбивать полночь.

Наступало «время дьявола» – время всех черных и злобных сил.

И вот с последним ударом часов желтый платок зашевелился. В щелку между штор Джонни видел, как платок, извиваясь, словно змея, пополз по спинке стула, затем по сиденью и, спустившись по ножке на пол, устремился к кроватке маленькой Мери.

Джонни выскочил из своего укрытия и схватил желтый платок обеими руками. Платок впился в кожу юноши, будто пиявка, и начал высасывать кровь. Почти

теряя сознание, Джонни кинулся в гостиную, где тетушка Матильда поддерживала огонь в камине. Рывком оторвав проклятый платок от посиневшей кожи, Джонни бросил его в камин.

Желтый платок вспыхнул как порох. Гостиная озарилась ярким светом. За окнами сверкнула молния. ТРАХ-ТАРАРАХ!.. – громыхнул гром.

И все было кончено.

Во всех уголках Земли люди, погубленные дьявольским платком, тут же воскресли. Они совсем не помнили, что умирали. А люди, хоронившие их, не помнили, что хоронили.

На следующий день Джонни, сердечно попрощавшись с тетушкой Матильдой и ее воспитанницей Мери, первым же поездом отправился к своей заново обретенной Дженни. Она встретила его с распростертыми объятиями. Не откладывая дело в долгий ящик, молодые люди в этот же день сыграли свадьбу.

Таким образом, все закончилось благополучно. Что, согласитесь, мои маленькие читатели и читательницы, бывает не всегда.

Черное молоко

Жили-были папа Коля, мама Оля и дочка Аля. Они очень любили друг друга. Вот однажды мама Оля пришла из магазина и говорит:

– Ну и ну. В магазине продается черное молоко.

– Как это – черное? – удивилась дочка Аля.

– А вот так, – отвечает мама Оля и вынимает из сумки три бутылки с черным молоком. Потом наливает в чашку молока и протягивает Але: – Попей, доченька.

– Нет, мамочка, – отказывается дочка Аля, – сначала ты попей.

– Доченька, – укоризненно качает головой мама Оля, – как тебе не стыдно. Ты что ж думаешь – я боюсь пить черное молоко и поэтому тебе подсовываю, да?

– Ничего я, мамочка, не думаю, – говорит дочка Аля. – Просто ты сама же меня учила, что старшим надо всегда уступать. Вот я тебе и уступаю.

Неизвестно, как долго продолжался бы этот спор, если б не вернулся с работы папа Коля.

– Здравствуйте, мои любимые, – сказал он.

– Здравствуй, папочка, – ответила дочка Аля.

– Здравствуй, Коленька, – ответила мама Оля и добавила: – Наверное, проголодался, мой хороший? Сейчас я тебе молочка с булочкой дам. – И наливает в чашку черного молока. – Пей, милый.

Папа Коля собрался было пить, но тут увидел, что молоко черное.

– Это еще что за ерунда? – говорит. – Почему молоко черное?

– Такое в магазине продают, – отвечает мама Оля. – Импортное. Наверное, из Африки.

– А вы его уже пили? – подозрительно спрашивает папа Коля.

– Пили, пили, – в один голос подтверждают мама Оля и дочка Аля.

Папа Коля отодвинул чашку. Лицо его омрачилось.

– Тогда покажите пустую бутылку, – требует. – Где бутылочка, из которой вы пили, а?.. Или, может, вы ее съели?!

– Николаша, ну ты прямо странный какой-то, ей-богу, – всплеснула руками мама Оля. – Да мы выпили молоко, а бутылку я в мусоропровод выбросила.

Папа Коля хмыкнул недоверчиво.

– Что, так сразу и побежала бутылку выбрасывать?! За дурака меня принимаешь?!

– Я тебя не понимаю, Николай, – пожимает плечами мама Оля. – Ты что, боишься пить это молоко?.. Может, ты думаешь, мы с Алечкой решили тебя отравить?

– Вполне возможно, – говорит папа Коля.

– Папа, папа! – возмущенно воскликнула дочка Аля. – Перестань сейчас же! Мы тебя так любим, а ты…

– Ну, если ты меня любишь, доченька, – говорит папа Коля, – то выпей из моей чашки. Сделай, милая, хотя бы один глоток.

– Я уже напилась, – отвечает дочка Аля.

– Тогда ты, Олечка, – протягивает папа Коля чашку жене.

– Я тоже напилась, – отказывается мама Оля.

Тут послышался голос бабушки Тони. Она была старая-престарая, больная-пребольная. Да к тому же еще и слепая.

– Родненькие мои, – звала их бабушка из маленькой комнатки. – Дайте мне чего-нибудь попить.

Папа Коля, мама Оля и дочка Аля обрадовались и понеслись к бабушке Тоне.

– Мамуленька, хочешь молочка свеженького? – предлагает мама Оля.

– Соглашайся, бабуленька, – вторит ей дочка Аля. – Молочко вкусненькое…

– Вкусненькое да беленькое, – подхватывает папа Коля и сует в руки бабушки Тони чашку с черным молоком.

А та и не видит, что молоко черное.

– Спасибо, мои родненькие, – благодарит. И пьет молоко. До последней капельки.

Папа Коля, мама Оля и дочка Аля смотрят на бабушку Тоню. Ждут, что же сейчас будет?

И ВДРУГ!..

Превратилась бабушка Тоня… в мерзкое чудовище с кривыми перепончатыми лапами!

– Р-Р-Р-Р!.. – страшно зарычало чудовище, приподнимая зеленую морду с подушки.

– Ай-ай-ай! – испуганно завопили дочка Аля, мама Оля, папа Коля.

И бросились вон из комнаты.

По дороге мама Оля налетела на папу Колю, а папа Коля налетел на дочку Алю; они все попадали, потом вскочили, и, отталкивая друг друга, полезли в дверной проем.

Затем помчались на кухню, закрыли за собой кухонную дверь и придвинули к ней холодильник.

А через минуту дверь затрещала под мощными ударами бабушки-чудовища.

– Дайте мне черного молока! – ревела разъяренная бабушка Тоня. – Хочу черного молока!

Мама Оля схватила помойное ведро, вывалила весь мусор на пол, и вылила черное молоко из всех трех бутылок в это ведро. И как раз вовремя, потому что чудовище, высадив дверь и повалив холодильник, уже вползало в кухню.

– Пожалуйста, Антонина Петровна, пейте, – заискивающе сказал папа Коля, поставив перед чудовищем помойное ведро.

Мерзкое существо опустило в ведро свою противную морду и громко захлюпало.

– Наша бабулечка молочко кушает, – льстиво сказала мама Оля.

– Она очень любит молочко, – подхватила дочка Аля.

Чудовище вытащило морду из ведра и облизало его длинным языком, который на конце раздваивался, как у гадюки.

– Еще хочу! – рявкнуло. – Давай еще! А то счас всех сожру, к чертовой матери!

– Я сбегаю в магазинчик, куплю… – засуетился папа Коля и хотел было убежать.

– А ну, стой, – прижало его лапой к полу чудовище. – Улизнуть надумал, зятек?

– Да вы что, Антонина Петровна?! – возмутился папа Коля. – Как я могу бросить свою любимую жену и дорогую дочурку. Разумеется, я вернусь… ну а если не вернусь, вы можете их съесть.

– Вообще-то верно, – рассудило чудовище. – Ладно, беги, да поторапливайся.

В этот момент из валявшегося на полу холодильника выкатилась бутылка с молоком. Да не с черным, а с белым.

– Есть молоко! Есть молоко!.. – заверещала мама Оля. – Не надо идти в магазин! Не надо!.. Я тебе сейчас налью, мамочка.

И мама Оля быстренько вылила всю бутылку в помойное ведро.

– Пей, мамулечка, пей…

Чудовище, захрюкав от удовольствия, опять полезло зеленой мордой в ведро. Тут же все выхлебало и…

И вмиг стало прежней ласковой и доброй бабушкой Тоней.

– О-хо-хонюшки, – вздохнула она, – если б вы знали, родненькие мои, какой мне страшный сон приснился. Форменный кошмар. Будто я превратилась в мерзкое чудовище и пила из помойного ведра черное молоко. Представляете?..

– Представляем, – сказал папа Коля.

– Бедненькая ты наша, – добавила мама Оля.

А дочка Аля предложила:

– Давайте сходим сегодня в зоопарк. Поглядим на диких зверей в клетках.

И дружная семья отправилась в зоопарк глядеть диких зверей.

Красный телефон

Одному маленькому мальчику, по имени Вовочка, родители подарили на день рождения игрушечный телефончик. Вовочке очень понравился подарок. Он целый день с ним играл, а вечером лег спать.

Спит он в своей кроватке. И вдруг – звонок: дзинь-дзинь-дзинь…

Вовочка проснулся. В комнате темно. И игрушечный телефончик звонит. Взял Вовочка трубку.

– Алло, – говорит.

– Мальчик Вова? – спрашивает трубка зловещим голосом.

– Да, это я, – подтвердил Вовочка.

– Завтра твой папа умрет! – сообщила трубка, и тут же пошли короткие гудки: ту-ту-ту-ту…

На другой день папа ни с того ни с сего взял и умер.

Поплакали, погоревали, схоронили папу. Стали жить дальше… И вот в одну из ночей игрушечный телефончик снова звонит. И все тот же зловещий голос сообщает мальчику Вовочке:

– Завтра, Вова, твоя мама умрет. Так что будь готов.

И точно, на другой день мама – р-раз! – и умерла. Схоронили и ее. Остался маленький Вовочка один в двухкомнатной квартире. Лег спать. Но что-то ему не спится. Ждет очередного звонка.

А тут и звонок.

– Здрасьте.

– Здрасьте.

– Мама умерла?

– Умерла.

– Папа умер?

– Умер.

– Та-ак. Хорошо. Ну а сегодня ночью умрут бабушка с дедушкой и тетя Тамара.

Наутро вновь звонок, но уже в дверь. Почтальон на пороге стоит.

– Вам телеграмма, – говорит.

Взял Вовочка телеграмму. А в ней написано:

«Сегодня ночью умерли бабушка, дедушка и тетя Тамара. С приветом, дядя Гриша».

На следующую ночь Вовочка, лишь только телефончик зазвонил, сразу же схватил трубку, и, не дожидаясь зловещего голоса, крикнул:

– Ну, а сегодня кто умрет?!

– Ты умрешь! – крикнул в ответ зловещий голос.

Вовочка ка-а-к шмякнет телефончик об пол, тот сразу и разлетелся на мелкие кусочки. А внутри разбитого телефончика сидит дядя Гриша собственной персоной. Только маленького роста.

– Дядя Гриша?! – вытаращился Вовочка. – Так это вы все время звонили?!

– Я, – спокойно отвечает дядя Гриша.

– И это вы говорили, что мама с папой, бабушка с дедушкой и ваша жена, тетя Тамара, умрут?

– Совершенно верно.

– А зачем? – не может понять Вовочка.

– А затем, – разъяснил дядя Гриша, – что мне своих аквариумных рыбок кормить нечем. Корм кончился, а в магазине не продают.

– Так вы хотите их моими родителями кормить, – догадался Вовочка. – А также бабушкой с дедушкой.

– Ну да, – кивает дядя Гриша. – И еще тетей Тамарой.

– Но они же все умерли.

– Ничего они не умерли, – отвечает дядя Гриша. – Я их просто уменьшил. Они у меня в спичечном коробке сидят.

И показывает спичечный коробок.

Смотрит Вовочка – и правда, бегают в спичечном коробке малюсенькие мама с папой, бабушка с дедушкой и тетя Тамара. Бегают и пищат тонюсенькими голосками.

– Дядя Гриша, – предлагает Вовочка, – я вам принесу рыбного корма. У нас в детском саду его полным-полно. Сделайте снова всех большими.

Подумал-подумал дядя Гриша.

– Ладно уж, – говорит. – Сейчас сделаю.

И в тот же миг мама, папа, бабушка, дедушка и тетя Тамара стали большими. Они с криком набросились на дядю Гришу. Громче всех кричала, конечно, тетя Тамара.

– Это что ж такое?! – прямо орала она. – Родную жену хотел рыбам скормить!

– Ну вы прямо странные какие-то, – удивляется дядя Гриша. – По-вашему выходит, пускай рыбки от голода погибают, да? Сами-то, небось, по три раза в день едите.

Все сразу встали в тупик от такой постановки вопроса.

– Вообще-то верно, – почесал затылок папа. – Мы вроде как того получаемся… эгоисты.

– А я про что говорю?! – восклицает дядя Гриша.

Все очень сильно расстроились, стоят чуть не плачут. А дедушка – так тот прямо требует решительно:

– Уменьшай, Гриня, меня снова! Пущай рыбины лопают!

– Да есть же корм! – напоминает мальчик Вовочка.

– Ой, да много ли проку от этого корма? – отмахивается толстая тетя Тамара. – Вот меня съедят так съедят!.. Хватит и на завтрак, и на обед, и на ужин…

– Постойте! – вдруг спохватилась мама и посмотрела на дядю Гришу. – Григорий Евграфыч, у вас же нет никаких рыбок!

– А я хочу купить, – отвечает дядя Гриша. – Давно мечтал, да все денег не было.

– Так их и в магазине нет, – вспомнила бабушка.

– Да и магазина нет, – вспомнил дедушка.

– А мы-то хоть есть? – спрашивает тетя Тамара.

– Нет, – говорят все. – Нас нет.

– Как это – нет? – растерялся мальчик Вовочка. – Мама!

– Я не мама, – отвечает мама.

– А кто же ты?

– НИКТО.

– Папа! – в страхе закричал Вовочка.

– Я не папа, – отвечает папа.

– А кто же ты?

– НИКТО.

– Бабушка! Дедушка! – кинулся Вовочка к бабушке с дедушкой.

– Мы не бабушка и не дедушка, – отвечают те.

– А кто же вы?

– НИКТО.

– Да говорят же тебе: нас нет, – объясняет Вовочке тетя Тамара.

– А что же есть? – растерянно моргает Вовочка.

– А ничего нет, – хмыкает дядя Гриша.

И действительно – кругом ничего нет. Даже и мальчика Вовочки уже нет.

Вот такая история, мои маленькие читатели и читательницы. Куда все подевалось, и куда все подевались?.. Не-по-нят-но.

День рождения Юлии

В одной школе училась очень красивая девушка. Звали ее Юлия. Она дружила с парнем из своего класса. Они всюду ходили вместе. И решили, что после окончания школы сразу же поженятся.

Но, как известно, большие несчастья происходят от маленьких причин. Купили на беду мама с папой парню мотоцикл. Поехал он на нем кататься и разбился насмерть. Заахали, заохали родители, да уж чего теперь охать и ахать. Кого на кладбище отнесли, того обратно не принесут.

Погоревала-погоревала Юлия да и забыла о своем погибшем суженом. Дело молодое…

Но он не забыл.

И вот однажды… отмечала Юлия свой день рождения. Дом был полон гостей. Все едят, пьют, веселятся. Музыка громко играет. Сама Юлия сидит во главе стола, вся такая нарядная. А справа от нее – жених. Да, да, жених. Молодой, интересный, в Америке дипломатом работает. Сидят они рядышком, смотрят друг на друга с любовью.

И тут вдруг чьи-то тяжелые руки легли на плечи Юлии. Оглянулась она и прямо обмерла от страха. Потому что позади нее стоял… окровавленный мотоциклист!

Вот так в жизни и бывает, мои маленькие читатели и читательницы, кругом веселье, смех – а рядом с Юлией покойник стоит и на нее смотрит. А кроме Юлии его и не видит никто.

– Юлия, – говорит окровавленный мотоциклист, – я пришел за тобой.

– Как за мной? – шепчет девушка, а у самой зуб на зуб от страха не попадает.

– А ты разве забыла, что слово дала за меня замуж выйти?

– Я давала слово выйти замуж за живого, – отвечает Юлия. – А ты уже пять лет как мертвый.

– Ах так, – разозлился мертвец, – ну ладно! Ты еще пожалеешь!

И – исчез…

И снова вокруг: шум, смех, музыка… А Юлия осматривается недоуменно и понять не может – приходил мертвый мотоциклист или ей это только привиделось.

Попили гости, поели и разошлись. Жених в Америку улетел. Осталась Юлия одна. Но с того дня как подменили ее. Бледная вся сделалась, неразговорчивая, ходит по квартире, словно тень. В общем, что-то неладное с ней творится.

Мать, видя, как ее родное дитя мается, говорит:

– Поезжай-ка ты, Юленька, в деревню, к бабушке. Молочка парного попей, яблочек наливных покушай, чистым деревенским воздухом подыши. Глядишь, и спадет с тебя эта напасть проклятая.

Послушалась Юлия свою маму и поехала в деревню. Молочко парное пила, яблочки наливные ела, чистым деревенским воздухом дышала… Не спадает напасть, хоть ты тресни. И на сердце у Юлии тяжко-претяжко, будто камень кто положил.

Возможно, так бы и угасла Юлия, словно свечечка, не узнай она случайно, что на окраине деревни живет одна старушка – страшная колдунья. Но добрая.

Пришла к ней Юлия. Так, мол, и так, говорит… Рассказала и про день рождения, и про окровавленного мотоциклиста, и даже про жениха американского.

– Да уж, девка, – отвечает бабулька, – трудно твоему горю помочь. Потому как увел упокойничек твою душу. И не куда-нибудь увел, а аж в Магонию – город мертвых.

– Что же мне теперь делать, бабушка? – жалобно спрашивает Юлия. – Без души-то?..

– А вот погоди, – говорит колдунья, – я тебя научу.

И научила…

– Как помру я, то снесут гроб с моим телом в церкву. И станут искать человека, чтоб надо мной псалтирь читал. Ты и вызовись. И читай молитвы две ночи кряду. А на третью ночь, под самый рассвет, вытащи мое тело из гроба, да и схорони. А сама в церкву возвернись, ляг в мой гроб и крышкой прикройся. А как схоронят тебя, так и окажешься ты в Магонии – городе мертвых. А там уж, девка, не теряйся. Ищи свою душу. Найдешь ее – скажи: «Душа, душа, поди на место…» Ну, а что далее делать, я тебя на том свете научу…

Вскоре померла колдунья. Стали в деревне искать, кому над ней псалтирь читать. Юлия и вызвалась… Читала две ночи подряд, а на третью ночь вытащила мертвое тело из гроба, снесла на кладбище, да и закопала там. Потом вернулась

в церковь, легла в пустой гроб и крышку над собой закрыла… Лежит в темном гробу ни жива ни мертва от страха.

Тут и утро. Затопали похоронщики, застучали молотками, вгоняя острые гвозди в крышку гроба. Потом подняли гроб и понесли. Слышит Юлия, как в могилу ее опускают. И как комья земли сверху сыпятся. Зарывают, значит…

И все. Похоронили Юлию.

Полежала она немножко – похороненная, – а затем крышку гроба толкнула, открывается ли?.. Крышка сразу же и отскочила, словно и не была гвоздями прибита.

Встала Юлия, смотрит: поля, леса, дорога извилистая… Ну, она и пошла по этой дороге. Шла, шла и пришла в какой-то город. Народу в городе видимо-невидимо. И все как один – мертвецы. Юлия сразу и поняла, что это и есть Магония – город мертвых.

Идет она по улице – словно ведет ее кто. Уже заранее знает, где прямой улочкой пройти, а где в кривой переулочек свернуть. Глядит: дом стоит – и будто именно сюда ей и надо. На крылечко поднялась, дверь отворила…

А за дверью – свадьба. Сидят мертвые гости, а на месте жениха с невестой – окровавленный мотоциклист и Юлина душа.

Душа в подвенечном платье, а лицо все заплаканное. Повернулся к ней окровавленный мотоциклист.

– Целуй меня! – требует.

– Нет, нет, – в ужасе шепчет Юлина душа, отстраняясь.

– Горько! Горько! – кричат мертвые гости.

Тут Юлия как крикнет:

– Душа, душа, поди на место!

Тотчас Юлина душа вся прозрачная сделалась и под потолок взлетела. Мертвецы со своих мест повскакивали, руками над головами машут, пытаясь ее поймать. А душа – в облачко белое превратилось. Подлетело это облачко к Юлии и окутало ее с головы до ног. Юлия два раза глубоко вдохнула и почувствовала, как душа в нее вошла.

– Убейте ее! – закричал окровавленный мотоциклист, указывая на Юлию окровавленным пальцем. И первый бросился к девушке.

А за ним бросились остальные мертвецы.

Юлия же припустилась наутек. Бежит, бежит и чувствует – все! Нет больше сил. Вот сейчас мертвецы ее догонят и растерзают. Забежала она в первый попавшийся дом, а там – бабулька-колдунья ее дожидается. Держит наготове старушечье платье и черный платок.

– Переодевайся скорей! – торопит.

Не успела Юлия все это на себя надень, как в дом ворвался окровавленный мотоциклист. Смотрит: сидит себе старушка, пряжу прядет.

– Эй, бабка! – грозно приступил к ней окровавленный мотоциклист. – Здесь не пробегала молодая красивая девушка?

– Нет, милок, – отвечает Юлия, – не пробегала. Уж я бы видела.

А в это время колдунья на цыпочках подкралась сзади к окровавленному мотоциклисту да ка-а-к звезданет его дубиной по голове! Мотоциклист так и грохнулся на пол без чувств.

– Ну, все, – говорит колдунья, – в ближайшие двести лет он не очухается. Уж я об этом позабочусь. Можешь, девка, спокойно замуж выходить и детишек рожать. Никто тебе мешать не будет…

Распрощались они сердечно. Показала колдунья, где с того света на этот свет выйти можно. Да еще так удачно получилось, что выход в Америке оказался. Вот Юлия и вышла прямо в городе Нью-Йорке, где ее жених дипломатом работал. Он

так обрадовался появлению своей невесты, что тут же написал заявление об увольнении. И поехали они в Россию, в Орловскую область, обвенчались там и поселились в деревне Сковорода. Дипломат пошел работать пастухом, очень ему здесь дипломатическое образование пригодилось, а Юлия устроилась дояркой, потому что ей понравилось пить парное молочко.

Вот вам и вся сказочка, а мне бубликов вязочка.

Данилушка

Жил на свете маленький мальчик. Звали его Данилушка. И была у него очень строгая мать. О чем ее Данилушка ни попросит, она всегда говорит: «Нельзя». И то нельзя Данилушке, и се нельзя Данилушке. Короче, ничего ему нельзя.

Но пуще всего запрещала ему мать ходить в правую сторону от дома. В густой таинственный лес.

И вот однажды Данилушка подумал: «И чего это мама мне все запрещает? Вот возьму да и схожу в лес».

Взял да и пошел…

Идет он по лесу, идет и вдруг видит: впереди, за деревьями, озеро блестит на солнце. Подошел Данилушка поближе. Вода в озере чистая-чистая. Каждый камешек на дне виден.

Сел Данилушка на прибрежный песок. Отдыхает.

И чудится ему, словно бы зовет его кто-то:

– Дани-и-илушка-а-а… Дани-и-лушка-а-а…

Вскочил Данилушка, всмотрелся в воду и увидел красивую-прекрасивую женщину, лежащую на дне.

– Кто вы? – испуганно шепчет Данилушка. – И откуда знаете мое имя?

– Как же мне не знать, Данилушка, – отвечает утопленница печальным голосом, – если я мама твоя родная.

– Врете вы все, – топнул Данилушка ножкой. – Никакая вы мне не мама. Моя мама сейчас дома.

Вздохнула женщина тяжко. Пошли по воде волны. И слышит Данилушка такие слова:

– Не мама она тебе вовсе. А злая ведьма-вампирша. Утопила она меня обманным путем. А у тебя, мой родной сыночек, каждый вечер кровь из шейки сосет.

– Как это – кровь сосет? – спросил Данилушка, холодея.

– Не могу я больше говорить, – замогильным голосом отвечает женщина. – Тяжко мне… тяжко…

Повернулся Данилушка и со всех ног бросился бежать. Прибежал домой, юркнул под одеяло, зажмурил глаза, а в ушах звучит голос утопленницы:

– Тяжко мне… тяжко…

Тут дверь отворилась, и раздался другой голос:

– Данилушка, ты уже спишь? Давай я тебя перед сном в шейку поцелую.

– Не надо, – отвечает Данилушка из-под одеяла, а сам весь дрожит от страха.

– Но я ведь каждый вечер тебя в шейку целую. Почему же ты сегодня не хочешь, чтобы мама тебя в шейку поцеловала?

– А потому не хочу, – набравшись храбрости и откинув одеяло, выкрикнул Данилушка, – что никакая ты мне не мама! А ведьма-вампирша проклятая! И не целуешь ты меня, а кровь сосешь!..

Не успел Данилушка произнести эти слова, как с ужасом увидел, что волосы у «матери» превратились в извивающихся змей, нос вытянулся и заострился, а ногти на пальцах стали черными.

– Ах ты, щенок! – закричала ведьма-вампирша страшным голосом и бросилась на Данилушку.

Но Данилушка, ловко увернувшись, выскочил из комнаты и закрыл за собой дверь на задвижку. Потом подбежал к телефону и набрал номер полиции – «102».

– Сержант Травкин слушает! – раздался в трубке решительный голос.

– Злая ведьма-вампирша хочет высосать из меня кровь! – что есть силы закричал Данилушка.

– Ясненько, – сразу разобрался в ситуации сержант Травкин. – Выезжаем.

И не успел Данилушка положить трубку, как на улице послышался сигнал полицейской сирены: ВАУ-ВАУ-ВАУ… А в следующую секунду перед Данилушкой появился мужественный сержант Травкин.

И как раз вовремя…

Потому что ведьма-вампирша вышибла дверь и бросилась на Данилушку. Но сержант Травкин успел подставить ей ножку. Ведьма-вампирша грохнулась на пол. А пока она падала, Травкин ей наручники надел и – КЛАЦ-КЛАЦ – их на замок защелкнул.

Данилушка хотел было рассказать сержанту что произошло. Но Травкин и так все понял.

– Статья двенадцатая! Пункт «Д», – сказал он. – «Вампиризм». Карается сроком до десяти лет со строгой изоляцией в самых отдаленных уголках Сибири.

– Чего? Чего? – с кривой усмешкой спросила ведьма-вампирша.

– А того самого, – отрубил сержант Травкин. – Вы у мальчонки кровь пили? Пили! А теперь с вас кровушку попьют. Увести преступницу…

Короче говоря, ведьму-вампиршу посадили в полицейскую машину и увезли в тюрьму. А Данилушка и сержант Травкин отправились на берег лесного озера.

Здесь Травкин, не снимая кителя, нырнул в воду и вытащил маму Данилушки.

– Благодарю вас, сержант! – сказала она. – Вы поступили как настоящий герой.

– Да какой я герой, – смутился Травкин. – Я простой полицейский.

– Нет, вы не простой полицейский, – возразила Данилушкина мама. – Вы самый лучший полицейский в мире!

– Ну уж вы загнули, – говорит Травкин, а сам стоит довольный-предовольный.

– Вы спасли меня и моего сына, – продолжает мама Данилушки. – Поэтому просите все, что хотите.

Сержант Травкин покраснел, как помидор.

– Я прошу вас выйти за меня замуж, – сказал он застенчиво.

– Я согласна, – ответила мама Данилушки.

– Значит, теперь у меня будет папка-полицейский! – радостно закричал Данилушка. – Кла-а-ссно!..

И с тех пор стали они жить втроем: Данилушка, его мама и сержант Травкин.

Дедушкин портрет

Однажды мы сидели на кухне и ужинали. Вдруг заходит моя бабушка и говорит:

– Смотрите, что я нашла в старом альбоме.

И показывает военную фотографию дедушки. Дедушка в фуражке набекрень, усы лихо закручены, на шее автомат висит.

– Снесу ее в фотостудию, – говорит бабушка. – Пусть большой портрет сделают. А я его на стенку повешу, у себя в комнате.

Прошла неделя. Наступила ночь.

Спим мы себе, и вдруг на всю квартиру:

ТРА-ТА-ТА-ТА-ТА!!!

Мы вскочили и помчались в бабушкину комнату. Прибегаем, а там бабушка лежит, вся изрешеченная пулями.

Приехала, конечно, полиция. Смотрели-смотрели. Кто стрелял?.. Откуда стреляли?..

Ничего непонятно.

Начали мы было горевать по нашей бабушке, а папа и говорит:

– Да че о ней горевать-то?! Зато комната освободилась.

Ну, мы и перестали горевать… Прошла еще неделя. Прилетела к нам на самолете тетя Груша из Мухоморска. Рояль купить. Мама ей постелила на бабушкиной кровати. Легли мы все спать.

Вдруг посреди ночи:

ТРА-ТА-ТА-ТА-ТА!!!

Вскочили мы и понеслись в бабушкину комнату. Прибегаем и видим: лежит тетя Груша, вся изрешеченная пулями.

Опять приехала полиция. Опять смотрели-смотрели. Опять ничего не поняли.

Начали мы было горевать о тете Груше, а папа и говорит:

– Да че о ней горевать-то? Зато теперь у нас рояль есть.

Прошла еще неделя. И вот как-то захожу я в бабушкину комнату, смотрю на дедушкин портрет и вижу: раньше автомат у дедушки на шее висел, а сейчас он его в руках держит.

Тут-то я все и понял.

– Дедушка, – говорю, – так, значит, это ты стрелял?!

– Тише, тише, внучок, – зашикал на меня дедушка. – Ишь какой сообразительный.

– Да уж, сообразительный, – вздохнул я. – В школе одни двойбаны получаю.

– Это дело поправимое, – отвечает дедушка. – Возьми мой портрет, снеси его в школу и повесь в кабинете литературы, вместо писателя Толстого.

На следующий день я так и сделал. Пришел на полчаса раньше всех и заменил Толстого на дедушку.

А тут и урок. Заходит в класс преподаватель Сергей Иваныч и говорит:

– Ну-ка, Головастиков, расскажи про Грибоедова.

А Головастиков – это я.

– Грибоедов, – начал я рассказывать, – любил есть грибы…

– Двойка, Головастиков! – говорит Сергей Иваныч.

Не успел он это сказать, как раздалась автоматная очередь:

ТРА-ТА-ТА-ТА-ТА!!!

Сергей Иваныч так на пол и повалился, весь пулями изрешеченный.

Вот тебе и Грибоедов…

На другой день дедушка мне говорит:

– Теперь снеси мой портрет в кабинет истории и повесь вместо полководца Суворова.

Отнес я дедушку в кабинет истории и повесил вместо Суворова.

Заходит Нонна Петровна. Наша историчка.

– Головастиков, – спрашивает с ходу. – Кто такой Наполеон?

– Наполеон, – отвечаю, – это торт!

– Двойка! – возмущенно кричит Нонна Петровна.

Ну-ну, думаю, ставь двойку.

Только она журнал открыла… А тут:

ТРА-ТА-ТА-ТА-ТА!!!

И Нонны Петровны как не бывало.

Больше никто мне двоек не ставил. Я сделался круглым отличником и окончил школу с золотой медалью. Потом поступил в университет и окончил его с

красным дипломом. Потом стал аспирантом, потом доцентом, потом профессором, потом академиком, потом президентом Академии наук…

И везде, где бы я ни находился, со мной был портрет дедушки с автоматом в руках.

Принцесса Алена

и водолаз Генка

Жила-была принцесса Алена, прекрасная, но бледная. Почему – бледная? Да потому что у нее не было крови. Ни капельки. Это очень огорчало папу-короля. И вот однажды позвал он во дворец колдунью и спросил у нее совета.

А колдунья и говорит:

– Пускай принцесса пойдет одна в дремучий лес, найдет там Кровавое озеро и напьется из него крови.

Как колдунья сказала, так Алена и сделала. Пошла в дремучий лес, нашла Кровавое озеро и начала пить кровь… Пьет-пьет и не замечает, что к ней колдунья подкрадывается. А та подкралась да и столкнула принцессу в озеро.

Алена тотчас захлебнулась и утонула. Опустилась на самое дно и превратилась из принцессы в утопленницу.

Прошло несколько тысяч лет.

За это время Кровавое озеро стало обычным озером. А на месте дремучего леса теперь располагалась детская спортивная база под названием «Юный подводник». Тренером на этой базе работал водолаз Генка. Вот как-то плывет Генка под водой в водолазном костюме и видит: на дне, среди водорослей, лежит красивая девушка. Генка сразу в нее влюбился и решил на ней жениться. Вытащил он принцессу Алену (а это была она) на берег, сделал ей искусственное дыхание, а заодно и предложение: так, мол, и так, выходи за меня замуж.

Алена очнулась, огляделась, увидела, что совсем другие времена настали и согласилась выйти за Генку.

Привел Генка принцессу к себе домой.

– Сейчас, – говорит, – я тебя со своей бабушкой Клавой познакомлю.

А тут и бабушка входит. Смотрит Алена – а это та самая колдунья, что ее в Кровавое озеро столкнула. Принцесса виду не подала, что колдунью узнала, однако ж про себя решила последить за бабушкой Клавой.

Вот в полночь встала бабушка Клава с кровати и куда-то пошла. Алена за ней.

Шли они, шли и пришли на кладбище. Колдунья дотронулась до одной из могил, могилка и раскрылась. Спустилась колдунья в могилу и пропала. Алена, недолго думая, тоже в могилу полезла. И оказалась в темном коридоре. Шла она, шла по этому коридору и пришла в огромный зал. Посредине зала золотой трон стоит, а на троне ее папа-король сидит.

Увидел король свою дочку-утопленницу. Обрадовался, конечно. И принцесса Алена тоже рада без памяти.

– Папка, – радостно кричит, – а я замуж выхожу!

– Замуж – это хорошо, – одобрил папа-король. – Надеюсь, за принца?

– Нет, – отвечает Алена. – За водолаза.

– За Генку, что ли? – спрашивает король.

Принцесса Алена так на пол и села от удивления.

– А ты откуда знаешь?!

– Как же мне не знать, – хихикает король, – если он мой родной сын.

Алена сидит на полу и ушам своим не верит.

Тут в зал вошла королева – Аленина мама – и все объяснила:

– Я продавщицей работала. В обувном магазине. Там мы с королем и познакомились. Он зашел ботинки купить. А после привел меня тайным ходом из моей эпохи в свою.

Выслушала все это принцесса Алена и заплакала.

– Значит, Генка – мой брат, – всхлипывает, – а колдунья – моя бабушка?

Тут в зал вошла бабушка Клава. И говорит:

– Колдунья колдунье рознь, внученька. Есть злые колдуньи, а есть добрые. И добрых называют волшебницами. Так вот, я – волшебница.

– А для чего ты тогда меня в Кровавое озеро столкнула? – не понимает Алена.

– Для твоей же пользы, – отвечает бабушка Клава. – Чтоб в тебе больше кровушки было. Зато смотри, какая ты теперь румяная да пригожая.

Тут в зал вошел водолаз Генка.

– Привет семейству, – рукой машет.

– Геночка, – бросилась ему на шею Алена. – Никогда мы с тобой не сможем пожениться, потому что мы родные брат и сестра.

– А вот и сможете, – хитро посмеивается бабушка Клава. – Я сейчас поколдую.

Поколдовала-поколдовала – и Генка с Аленой из брата с сестрой превратились в мужа с женой. Все, конечно, очень обрадовались такому превращению, сыграли свадьбу, и стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Вскоре папа-король ушел на пенсию, и королем стал Генка. Но подводное плаванье не бросил. Регулярно участвовал в международных соревнованиях. А недавно даже мировой рекорд установил: пробыл под водой три с лишним месяца. Причем без водолазного костюма.

Так-то вот, мои маленькие читатели и читательницы!

Про мальчика Митю,

который все делал

наоборот

Жил-был мальчик по имени Митя. Он все делал наоборот. Ему говорят – не сори, а он сорит. Ему говорят – не хами, а он хамит. Вот едет как-то Митя в вагоне метро, а там на дверях написано: «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ». Ну он, естественно, тут же прислонился. А дверь возьми да и откройся. И мальчик Митя вывалился из вагона. И головой ка-а-к хрястнется о стенку тоннеля. И убился. Но не до смерти.

В другой раз летел мальчик Митя на самолете. А в самолете тоже дверь и тоже с надписью – «НЕ ОТКРЫВАТЬ». Митя, конечно же, взял, да и открыл ее. И выпал из самолета. Да ка-а-к шмякнется о землю. И снова убился. Но опять не до смерти.

В третий раз идет мальчик Митя по улице. Смотрит – трансформаторная будка, а на ней написано: «НЕ ВХОДИТЬ». Но вы же знаете мальчика Митю, он же все делает наоборот. Вошел Митя в гудящую будку. Его там ка-а-к шарахнет током. И он вновь убился. И на сей раз уже до смерти.

Сколько ж можно, в самом деле, не до смерти убиваться?!

Даша и людоед

Жила-была девочка Даша, очень симпатичная, но непослушная. Ни в школе никого не слушала, ни дома. И вот однажды Даша так расшалилась, что мать возьми да и скажи в сердцах:

– Ах, какая же ты несносная девчонка! Вот сейчас придет людоед и съест тебя вместе с косточками!

На беду, в это самое время, под окнами проходил настоящий людоед. Звали его Петр Ильич. Услышал он материны слова и, конечно, страшно обрадовался, потому что наступило время ужина, а на ужин у людоеда никого не было.

Тук-тук-тук – постучал он в дверь. Мать открыла, недоумевая, что за поздний гость пожаловал?

– Добрый вечер, – говорит людоед. – Давайте знакомиться. Меня зовут Петр Ильич. Можно просто Петя.

– И что дальше? – не понимает мать.

– Ничего, – отвечает Петр Ильич. – Пришел вашу дочку есть. Как вы и хотели.

Ахнула мать от такого сюрприза, но делать нечего: слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Вы уж как-нибудь того… – просит она людоеда, – побыстрей ее ешьте. Чтоб девочка не мучилась.

– Не беспокойтесь, мамаша, – говорит Петр Ильич. – У меня и батюшка людоедом был, и матушка – людоедка. Я свое дело знаю: так проглочу вашу дочку, что она даже не заметит.

– Ой, спасибо, голубчик, – с облегчением вздохнула мать. – Утешил.

На том и распрощались.

Привел людоед Дашу к себе домой, огонь в очаге развел, здоровенную кастрюлю над огнем повесил.

– Полезай, – приказывает, – в кастрюлю и варись ровно сорок минут. Да смотри не забывай себя регулярно помешивать и подсаливать.

А сам сел на лавку и стал напильником зубы точить.

Тут только Даша ясно поняла, что она одной ногой в могиле стоит, и если сию же секунду чего-нибудь не придумает, то и другой ногой в могилу встанет. А надо сказать, что девочка она была хоть и непослушная, но умная.

– Петр Ильич, – говорит Даша вкрадчиво, – а вы знаете, что вас зовут точно так же, как великого композитора Чайковского?

Людоед, конечно, этого не знал и поэтому очень удивился.

– Врешь, поди, – глядит недоверчиво. – Чтоб людоеда звали так же, как и великого композитора? Да в жизнь не поверю.

– А вот и не вру, – отвечает Даша и, чтобы еще сильнее запутать людоеда, предлагает: – Хотите, я вам его балет «Лебединое озеро» станцую?

И, не дожидаясь людоединого согласия, девочка протанцевала весь балет от начала до конца. Да еще и музыку из балета просвистела.

Людоеду это о-о-очень понравилось, особенно, когда Даша на одной ноге тридцать два раза прокрутилась, изображая умирающего лебедя.

– Ух ты! – с восторгом завопил он. – Все! Точка! Решено! Я тоже буду композитором!

А хитренькая Даша ему в ответ:

– Чтобы стать композитором, надо есть одни одуванчики.

Людоед тотчас бросился варить щи из одуванчиков… Похлебали они этих щей, поболтали о том о сем… Наконец Даша и говорит:

– Ну, ладно, Петя, пора мне домой бежать, а то мать, наверное, с ума там сходит. А ты ешь побольше одуванчиков и попробуй сочинить оперу.

Прибежала Даша домой, а мать действительно с ума сходит, почти уже сошла.

– Дашенька! – кричит диким голосом, – ужинать будешь?!

– Спасибо, мамочка, – отвечает Даша. – Не откажусь еще разок перекусить. А то людоед костлявый попался, а ты у меня пухленькая, мягонькая…

Как услышала мать эти слова, так вся и задрожала, словно осенний листок.

– Не губи, доченька, – молит слезно. – Прошу, не губи!

– Да я пошутила, – смеется Даша. – У тебя что, мама, чувства юмора нет?

– Уф-ф, – вытирает мать со лба холодный пот. – Шутница ты у меня, дочурка.

В общем, поужинали они и легли спать.

А на следующий год опять Петр Ильич к ним заявился: во фраке, в лакированных ботинках… Та-акой важный, и не подумаешь, что когда-то людоедом был.

– Здравствуйте, дамы, – степенно этак здоровается. – Разрешите пригласить вас в оперный театр на премьеру моей оперы «Я никого не ем».

И протягивает матери и Даше два пригласительных билета.

Вот так-то!

Про мальчика Филю,

который любил

всех душить

Жил один мальчик. Звали его Филя. И у него была такая манера: подкрадется тихонечко сзади, схватит за шею и давай душить. И вот ему исполнилось восемь лет. И Филина мама пригласила на день рождения сына свою лучшую подругу – Надежду Сергеевну. Сидят Филина мама и Надежда Сергеевна за столом. Беседуют. А в это время Филя, по своей давней привычке, тихонько подкрался к Надежде Сергеевне, схватил ее за шею и стал душить.

Душил-душил да и задушил. Надежда Сергеевна и ойкнуть не успела.

Филина мама, конечно, очень расстроилась.

– Филенька, – сказала она, погрозив сыну пальчиком. – Ай-яй-яй…

– А че? – не понял Филя.

– Я же тебя просила не подкрадываться сзади. И тем более не душить. Какой же ты у меня непослушный.

– Нет, послушный, – говорит Филя.

– Нет, непослушный, – говорит мама.

– Нет, послушный, – говорит Филя.

– Нет, непослушный, – говорит мама. – Ты Надежду Сергеевну задушил.

– Послушный, послушный, послушный… – затараторил Филя.

В это время пришел Филин папа – Прохор Петрович. Он ходил покупать Филе на день рождения торт «Сюрприз». А его дома другой сюрприз ожидает.

– Наш Филенька задушил мою подругу Наденьку, – сообщила мужу Филина мама.

– Это какую же?.. – спрашивает Прохор Петрович – Ту, что стюардессой работала?

– Да нет, – отвечает Филина мама. – Ту, что балериной подрабатывала.

– А-а, – вспомнил Филин папа.

– Так что Филюша ее задушил, – повторила Филина мама. – А отвечать придется тебе, дорогой.

– А почему – мне? – спрашивает Прохор Петрович.

– А потому, что ты его отец.

– А ты его мать, – парировал Прохор Петрович. – Значит, тебе отвечать.

– Нет, тебе!

– Нет, тебе!

Филины родители заспорили. И спорили до тех пор, пока Филя к ним не подошел и не сказал:

– Мамка, папка, ну че вы ругаетесь. Все должно быть по-честному. Раз я задушил, я и отвечать буду.

– Кха!.. – вдруг кашлянула Надежда Сергеевна, и еще раз: – кха-а…

– Надюшка! – обрадовалась Филина мама. – Господи, как ты нас напугала.

– Кха-а-а, кха-а-а, – продолжала кашлять Надежда Сергеевна.

– А Филенька – больше всех испугался, – тараторит Филина мама. – Бегает вокруг тебя, плачет-плачет: «Теть Надь, теть Надь, не умирай! Я тебя очень люблю!» Скажи, Филенька.

– Ага, – сказал Филя, ковыряя пальцем в носу.

Надежда Сергеевна наконец откашлялась и говорит:

– Вот в рот компот! Чуть не сдохла.

А Прохор Петрович достал торт и весело сказал:

– Да бросьте вы, Надя. Все хорошо, что хорошо кончается. Давайте пить чай с тортом.

Пустая Варя

Жил-был Иван, не то чтобы совсем уж дурак, но какой-то чокнутый. Все, бывало, на печи лежал да сказки про мертвецов почитывал. А жена его, Варя, как дело к ночи, собиралась и куда-то уходила. А возвращалась только под утро.

– Куда это ты по ночам шастаешь? – не раз спрашивал у нее Иван.

– По своим делам, – отвечала ему Варя.

И все. Ни слова больше.

«Ну, – думает Иван, – точно Варька ведьма и ходит на кладбище мертвецов жрать. Дай-ка я за ней послежу».

И вот в одну из ночей отправился он вслед за женой. Смотрит – и правда, пришла Варя на кладбище, разрыла могилу и гроб достала… Тут Ивану захотелось спать, и он уснул. Проснулся – уже утро. Солнышко светит, птички чирикают, а жены Вари и в помине нет.

«Ладно, – думает Иван, – в следующий раз не усну…» Снова наступила ночь; снова Иван пошел за женой; снова за кустом схоронился. А когда жена начала гроб из могилы вытаскивать, Ваня возьми да и усни… Наконец в третью ночь

заметил он, какую могилку жена все время раскапывает. Пришел вечерком с лопатой, тоже разрыл эту могилку, достал гроб и раскрыл его. А в гробу вместо мертвеца какой-то приборчик мудреный лежит. С кнопочками, стрелочками, ручечками и прочими прибамбасами.

Тут-то Ваня и смекнул, что никакая его жена не ведьма, а самая настоящая шпионка. И по ночам не мертвецов жрет, а передает за границу секретную информацию. Тем самым подрывая и без того подорванную обороноспособность нашей Родины.

Вернулся Иван домой да ка-а-к гаркнет на жену:

– А ну выкладывай, на кого работаешь?!

Та сразу в слезы:

– Только не кричи, Ванюша. Все как на духу расскажу.

А после взяла да и открутила себе голову от шеи, словно крышку от банки.

– Загляни, Ванечка, в меня, – говорит.

Встал Иван на табуретку и заглянул в жену. А внутри – ничего. Пусто.

Варя голову на место прикрутила.

А Ваня все никак опомниться не может.

– Кто ж ты такая? – спрашивает.

– Сама не знаю, – отвечает Варя. – Знаю только, что должна я на кладбище по ночам ходить и выполнять все, что мне та штука в гробу скажет.

Крепко задумался Иван. Жалко ему Варю стало. Все ж таки жена, хоть и пустая. И вот что он придумал. Пошли они вдвоем на кладбище, вырыли гроб с таинственным прибором, домой его принесли и на стол поставили.

Ваня и так и этак соображает – ничего понять не может. Взял он тогда топор, да и порубал мудреную штукенцию на кусочки.

А поутру останавливается у Ваниной избы черный лимузин. И выходит их него мужик в очках.

– Здравствуйте, – говорит. – Разрешите представиться, профессор Кислощеев.

– Ну, – отвечает ему на это Ваня.

– У вас жена есть? – интересуется профессор.

– Ну, – снова отвечает Ваня.

– Видите ли, в чем дело, – объясняет Кислощеев, – мы в своей лаборатории работаем над созданием искусственного человека. Сейчас пробная модель проходит испытание в вашем селе.

– Ну, – в третий раз «нукает» Иван.

– Вот вам и ну, – говорит Кислощеев. И добавляет: – Ваша жена Варвара и есть эта пробная модель.

– Так она что, не человек? – спрашивает Иван.

– Человек, но только искусственный, – уточняет профессор.

– Ну и ну, – чешет Ваня затылок.

– Так что, милейший, – продолжает профессор, – вашу жену я забираю в нашу лабораторию.

– Вот уж фигушки, – уперся Иван. – Надо вначале у нее спросить, хочет ли она ехать в вашу лабораторию.

– Да чего у нее спрашивать-то, – смеется Кислощеев. – Она же искусственная. Как я ей скажу – так и сделает.

– А это мы счас поглядим, – отвечает Ваня.

Сгонял он в избу и быстренько залез в Варю (благо, она растягивалась как резиновая). А потом к профессору Кисловщееву выходит и говорит тонюсеньким голоском:

– Никуда я с вами не поеду. Я женщина замужняя.

– Да какая ты женщина, – раздражается Кислощеев. – Ты пробная модель ДУР-12-П.

– Сами вы ДУР-12-П, – отвечает ему Ваня из Вари. – А ежели будете обзываться, я мужа кликну, он вам быстро рожу-то начистит.

У Кислощеева от такого ответа очки на лоб полезли.

В общем, так и укатил профессор Кислощеев на своем лимузине не солоно хлебавши. А Ваня с Варей стали жить себе да поживать. И хоть Варя внутри пустая была, а все ж таки как-то исхитрилась и родила Ивану трех прелестных дочурок. И хоть те внутри тоже пустыми оказались, зато голоси-и-стые. Как начнут частушки-«садюшки» орать, на всю деревню слыхать:

Ехал мальчик на машине,

Весь размазанный по шине!

Как Наталья Николаевна

съела поэта Пушкина

Мало кто знает, что жена Александра Сергеевича Пушкина – Наталья Николаевна Гончарова – была самой настоящей людоедкой. Приедет, бывало,

великий поэт в Михайловское стихи пописать. Вдруг, в разгар вдохновения, стук в дверь.

– Ну кого там черт несет?! – с досадой поворачивается от стола Пушкин.

Дверь отворяется и появляется управляющий.

– Так что, барин, – докладывает, – жена, значит, ваша намедни двух мужиков, энто самое, съела.

– Каких еще мужиков?! – морщится Пушкин, слыша неправильную русскую речь.

– Прохора, пастуха, стало быть. И Егора Трофимова, он в кузне работал.

А тут и Наталья Николаевна впархивает в кабинет, и этаким котенком ластится.

– Сашенька, Сашенька. Не дашь ли денег на булавки?

– Ты вот что, Наталья, – строго говорит ей Пушкин, – ты кончай такими делами заниматься. Мы все-таки не в Африке живем, а в Михайловском.

– О чем ты, дорогой? – дурочкой прикидывается Наталья Николаевна.

– Ты дурочкой не прикидывайся. Только что управляющий приходил. Опять ты двух мужиков съела. Ты же в прошлый раз мне слово давала, что с этим навсегда покончено!

– А ежели мне кушать хочется?! – капризничает Наталья Николаевна.

– Мне тоже много чего хочется, – говорит Пушкин. – Но я себя сдерживаю. И ты изволь себя сдерживать!

– Хорошо, – зловеще так отвечает Наталья Николаевна. – Хорошо…

И – молча – за дверь.

А на другой день – где Пушкин?.. Нет Пушкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ron-shin_valeriy/kak-natal-ya-nikolaevna-s-ela-poeta-pushkina-i-drugie-uzhasnye-istorii

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити